МНЕНИЕ НЕРАВНОДУШНЫХ

Издание второе, дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1972

Вот так-то! Ну какой же скучный, замшелый ретроград поднимет руку на этого обаятельного парня?

Но существует и второй лик Джона: грязный и зловонный, то полыхающий животной злобой, то являющий собой картину полного отупения, несущий страх и глубокое страдание. Кстати, и этому Джону посвящено немало литературных строк, в основном в прозе.

Общество на протяжении веков не раз уже задумывалось: так неужели же, чтобы покончить со вторым Джоном, надо отказаться и от первого, такого безобидного и обаятельного?

Порой люди, натерпевшиеся от этого отвратительного второго Джона и объявившие ему войну, становятся в сложные, неприязненные отношения и с его первым ликом. Помню испуганные глаза Веты Васильевны, когда я предложила ей перед отъездом, во время обеда в кафе, выпить по бокалу сухого вина. Каждый прием гостей и поход в гости неизменно несет ей нравственные терзания, так как, ставя на стол бутылки, она, по ее мнению, «капитулирует», расписывается в своей непоследовательности.

Из сложной полосы противоречий, в которую толкнуло его новое поле деятельности, вышел отрицателем любой выпивки и А. В. Филиппов, заведующий вытрезвителем.

И я, видите, после поездки в Ковров, вынуждена была мысленно отправить на скамью подсудимых веселого балагура первого Джона.

Так неужели нельзя разделить эти два лика алкоголя, разрубить связь между ними и, избавившись от второго, сохранить первого Джона Ячменное Зерно, чтобы не лишать жизнь ее естественных красок?

Не знаю, как ответить на этот вопрос. Но убеждена в одном. Вряд ли можно добиться результатов, пока борьба с пьянством носит этакий оборонительный характер. Противоборствовать сложившимся взглядам, привычкам, заложить фундамент новых понятий могут только решительные наступательные действия.

Б. ЛЕВИН

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ АЛКОГОЛИКА

КТО ЕСТЬ КТО: ПЬЯНИЦА И АЛКОГОЛИК

Алкоголь известен людям с незапамятных времен. Быть может, именно поэтому дошло до нас о нем так много легенд. Одна из них рассказывает об арабском алхимике, который нежданно-негаданно набрел на чудесный напиток. Новый напиток, названный ученым aqua vitae — живительной влагой, водой жизни, обладал и впрямь чудодейственными свойствами, делая скучного — веселым, робкого — отважным, молчаливого — болтливым, нелюдимого — общительным. Но вскоре стало ясно, что доподлинно скрывается за радостью опьянения, которое не приносит людям счастья и не избавляет их от забот. Алкоголь явился источником безбрежного моря всяческих пороков и болезней, телесных страданий и духовной опустошенности, печалей и невзгод, тяжких преступлений. Алхимик попытался открыть глаза людям, предостеречь их от грозящей опасности. Тщетно! Те все больше попадали в, казалось бы, дивный, а на деле ужасный мир грез и страданий. Философ, сознавая свою вину перед человечеством за содеянное, в отчаянии покончил с собой, а алкоголь остался людям.

Легенды о появлении алкоголя особой известностью не пользуются. Но неосведомленность вовсе не мешает чуть ли не поголовному потреблению, правда в дозах далеко не одинаковых, спиртных напитков. Разумеется, столь массовое явление не осталось незамеченным, и тема алкоголизма в литературе представлена достаточно широко. Однако ее освещение носит несколько односторонний характер. Многие с наибольшей охотой рассуждают о последствиях пьянства. Куда меньше уделяется внимания причи-

нам этого явления, формам его проявления. Как будто можно рассчитывать на успех в борьбе с неизвестным, малоизученным противником. Что касается наиболее массовых популярных брошюр, то их содержание в основном сводится к описанию всяких страшных историй и перечислению пагубных последствий пьянства для здоровья. Между тем изучение этой проблемы может быть плодотворным и сулить осязаемые результаты при рассмотрении трех центральных аспектов: во-первых, причин аклоголизма; во-вторых, его последствий и размеров причиняемого им морального вреда и экономического ущерба; в-третьих, способов и методов борьбы со злом.

Изучение проблемы затрудняется тем, что множество случаев пьянства остается невыявленным, ибо они нигде и никем не фиксируются. Если алкоголик не набедокурил, не стал возмутителем спокойствия и пьянство свершилось в четырех стенах его квартиры, то этот факт конечно же не будет зарегистрирован, останется неизвестным и неучтенным.

Научные работники, общественность располагают весьма скудными сведениями по данному вопросу. Помимо официальных публикаций о производстве и реализации спиртных напитков по стране в целом есть еще разрозненные относительные данные о болезнях на почве пьянства, о дорожных происшествиях, некоторая статистика преступлений, совершенных в состоянии опьянения. Крайне бедны мы и материалами конкретных социальных исследований данной проблемы. Если они в отдельных случаях приводятся, то преимущественно работниками здравоохранения, которые по долгу своей службы проявляют интерес к медицинским, а не социальным аспектам пьянства. В отсутствии объективных, авторитетных сведений о последствиях злоупотребления спиртными напитками — одна из главных причин подчас одностороннего подхода к изучению алкоголизма. В отдельных случаях алкоголизм характеризуется только как болезненное состояние организма человека либо как порочная наклонность личности. И в том и в другом случае не рассматриваются, а, по существу, отрицаются роль, влияние, значение социального положения человека (профессии, образования, культуры и т. п.) на его превращение в алкоголика. И средство исцеления ищут не в социальной сфере, а в области одних лишь запретов, карательных мер, лечебной помощи, совершенствования человеческой личности. А между тем пьянство вовсе не только казус медицинского происхождения, но с самого начала и прежде всего социальное зло. И для его искоренения, тем более предотвращения мало одной только лечебной терапии, но требуется развернутая программа социально-экономических, а также воспитательных мер, включающая меры по воспитанию коммунистического отношения к труду, повышению квалификации и расширению общего кругозора и разумных интересов работника, росту культуры общества, совершенствованию досуга и т. д.

Об отсутствии общепринятых критериев и оценок говорит хотя бы тот факт, что до сих пор продолжается бесконечный спор об отличиях между понятиями «алкоголизм» и «пьянство», «алкоголик» и «пьяница». Чаще всего для того, чтобы определить, кто есть алкоголик, используют два критерия: поведение и здоровье. Обычно алкоголиком именуют любителя спиртного, который дебоширит, бранится, валяется под ногами у прохожих, попадает в вытрезвитель, как в дом родной. Либо в этот разряд зачисляют лиц, у которых вследствие постоянного пьянства налицо какие-то патологические изменения в здоровье, затронута нервная система, травмирована психика.

Существует отличие между обычным бытовым пьянством и хроническим алкоголизмом, в котором медики различают несколько стадий. Но нет между ними точно очерченной границы, непроходимой стены, и грань эта довольно-таки условная. Алкоголика надо определять не по одиозности поведения индивида и степени расшатанности его здоровья вследствие пьянства. Редкий пьяница всякий раз после выпивки укладывается спать, большинство предпочитает отправляться на поиски приключений. Если пьянство не наложило своих следов на его здоровье, то отложенное удовольствие — не потерянное удовольствие, и он еще успеет вкусить все последствия пристрастия к спиртному. Многие сегодняшние горькие пьяницы уже завтра могут перекочевать в разряд завзятых

алкоголиков. Такова неумолимая логика пьянства, И подверженные этому злу не должны уповать на свою исключительность, веровать, что минует их чаша сия. Слишком велик риск, медицинская статистика четко показывает, что десятая часть пьяниц как раз и переходит в категорию хронических алкоголиков. Ни один пьяница от этого не застрахован, ибо начинается хронический алкоголизм исподволь.

Алкоголик — это человек, у которого нерегулярное и умеренное потребление спиртных напитков сменилось систематическим поглощением алкоголя в огромных дозах, стало каким-то постоянным элементом времяпрепровождения, образа жизни. Другими словами, алкоголик — это человек, испытывающий неодолимое стойкое влечение к потреблению спиртных напитков, утративший способность ограничивать свою потребность в алкоголе, потерявший ситуационный контроль за мерой своего потребления и поведения, выпивающий подчас в одиночку, тайком, ощущающий некоторые физические нарушения, вроде утраты аппетита или бессонницы, жаждущий похмелья.

Не все пьяницы на одно лицо. Среди них есть люди, совершившие дерзкие, бесчеловечные, дикие, подчас просто уму непостижимые преступления. Вспомните рассказ А. Аграновского о трактористе, который, будучи сильно пьяным, сел на трактор, дважды разворотил железнодорожное полотно и уехал, когда с минуты на минуту на этом участке дороги должен был пройти пассажирский поезд. Буквально чудом удалось машинисту предотвратить крушение. Но сам он погиб. Персонаж рассказа А. Аграновского в отличие от чеховского героя прекрасно ведал, что творит, не злоумышленник он, а убийца. Однако отнюдь не все пьяницы непременно становятся преступниками, хотя большинство преступлений так или иначе связано с пьянством. Многие из них, так сказать, рядовые, будничные пьяницы, не совершающие деяний, которые заслуживали бы какого-то особого внимания общественности. Именно о таких, мало чем примечательных пьяницах, составляющих основной контингент любителей спиртного, и пойдет главным образом речь.

Настало время отказаться от вредного заблуждения, что есть у нас толика социально опасных алкоголиков — их надо сурово осуждать, вести с ними непримиримую борьбу — и большая часть безобидных пьяниц, кои особой опасности для общества не представляют и заслуживают лишь всеобщего сожаления. Если судить не только по характеру из ряда вон выходящих преступных акций, но и по числу действующих лиц во всяких безобразиях, чинимых любителями спиртного, то вред, который наносят обществу «безобидные» пьяницы, ничуть не уступит ущербу от действий «опасных» алкоголиков. Социально опасны для общества абсолютно все алкоголики: и совершающие уголовно наказуемое преступление, и те, кто, утратив человеческий облик, щеголяют отборным сквернословием на улице или в автобусе. Все они — враги нашего общества, и трезвое большинство населения способно найти на них управу.

А пока пьянице живется вольготно. На заводе и в учреждении его усердно уговаривают на различных уровнях, из института не исключают, с ним мирятся зрители на стадионе и терпят соседи по квартире; изредка его слегка журят в общественных местах, но делают это не близкие и друзья, а незнакомые и потому малоавторитетные для него мужчины и женщины; в семье его боятся, очень боятся — и жена и дети.

Главным, едва ли не единственным учреждением, активно противоборствующим алкоголикам, оказалась милиция. Как ни странно, особой поддержки ей в обуздании пьяниц население в массе своей не оказывает. Напротив часто можно наблюдать, как сотрудники милиции ведут пьяного, он, конечно, упирается, но находится гражданка, которая начинает жалеть «несчастного» и взывать к милосердию. Как будто будет лучше, если алкоголика предоставят самому себе и он набедокурит, оскорбит словом и действием ту же сердобольную «защитницу».

Имеется множество причин, которые исподволь, как-то незаметно для нас превратили пьянство в массовое явление, о них пойдет речь ниже. Но одну из причин назову сразу же. Это терпимость, попусти-

тельство, всепрощение по отношению к пьяницам. Здесь кстати напомнить известные слова Бруно Ясенского о том, что не надо бояться друзей — они в худшем случае могут предать, и врагов — они в худшем случае могут убить. Следует опасаться равнодушных. Именно благодаря равнодушию многих пьянство получает нежелательное распространение.

Приходится сожалеть, что вопреки фактам некоторые авторы брошюр и статей успокаивали: мол, алкоголизм в стране уменьшается. Немногие голоса выступавших против вредной, успокоительной теории буквально тонули в хоре голосов ее сторонников. Одни с радостью констатировали, что потребление спиртных напитков на душу населения у нас в несколько раз меньше, чем в капиталистических государствах, и алкоголизм — позорный пережиток прошлого — становится все более редким явлением. Другие исследователи, совершив небольшой исторический экскурс, с удовлетворением сообщали, что в конце минувшего века, при царском режиме, душевое потребление спиртного было на десятки процентов больше, чем в СССР. Отмечалось, что в нашей стране неуклонно снижается заболеваемость, порождаемая злоупотреблением спиртными напитками. В Москве, например, зарегистрировано случаев алкогольных заболеваний в 50 раз меньше, чем в Нью-Йорке, причем там число таких заболеваний увеличивается, а в Москве, наоборот, последовательно сокращается. Оптимизм авторов подобных впечатляющих сравнений был бы оправдан, если бы в капиталистических странах мало пили. Но распространение алкоголизма достигло там потрясающе огромных размеров, и «меньше» у нас в данном случае отнюдь не означает «мало». К тому же как будто капитализм является для нас эталоном в этом отношении или чужая болезнь способна исцелить собственную! Замечу еще, что даже далекие от какой-либо науки алкоголики хорошо усвоили, что имеет значение не только, сколько та или другая душа потребила алкогольных напитков, но и какова их крепость. Приходится сожалеть, что эту простую истину зачастую не принимают в расчет некоторые исследователи-оптимисты. Читатель, пользуясь известными ему фактами из окружающей действительности, сам может судить, насколько оправдались жизнерадостные оценки распространения пьянства.

На всякий случай, чтобы избавить читателя от необходимости заглядывать в справочники, приведу некоторые сведения о производстве и потреблении спиртного. Производство алкогольных напитков растет на земном шаре значительно быстрее, нежели пищевых продуктов. На нашей планете, согласно официальным, хотя далеко не полным данным, ежегодно производят: пива — 30 миллиардов литров, виноградного вина — 20 миллиардов литров, спирта — 3 миллиарда литров. Стало быть, на каждого жителя планеты Земля, от только появившегося на белый свет и до престарелого долгожителя, в среднем приходится в год: 1 литр спирта, 6 литров вина и почти 10 литров пива.

За последнее время увеличилось производство и выросло потребление спиртных напитков в СССР: по сравнению с 1940 годом в нашей стране производится больше спирта и пива в 3 раза, виноградного вина — в 12 раз. За это время численность населения возросла на 25 процентов, а продажа алкогольных напитков увеличилась в 4 раза, невзирая на то, что индекс розничных цен на спиртные напитки по сравнению со среднегодовыми ценами 1940 года утроился.

Динамика продажи спиртных напитков в государственной и кооперативной торговле

1940	1950	1960	1965	1966	1967	1968	1969	1970
100	75	200	283	314	351	380	409	439

В приведенных данных не учитывается виноградное вино, произведенное в хозяйствах населения, а также самогон, пока еще не вышедший из употребления, но никем и нигде не учитываемый.

В некоторых научных трудах, например в Большой Советской Энциклопедии, констатируется, что в СССР уже уничтожены социальные корни алкоголизма. Это вполне правильный тезис. Наиболее глубокие, социально-классовые причины алкоголизма устранены. Но было бы полезно попытаться устано-

вить: почему же пьянство сохранилось, какой оно причиняет ущерб, какие группы населения подвержены ему больше всего, каков его характер в той или другой среде?

Не следует из верного тезиса делать ошибочный вывод о том, что можно больше не утруждать себя борьбой с пьянством. Неприятной правде надо смотреть прямо в глаза, а не скрываться от нее за фасадом ошибочных и вредных успокоительных теорий.

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ ОБЩЕСТВУ АЛКОГОЛИК

Алкоголь — один из наиболее опасных врагов самого ценного *достояния человека* — *здоровья*. Его действие пагубно сказывается на важнейших внутренних органах, плохо отражается на чувствах и характере. Алкоголик — эгоистичен и недоверчив, вечно он недоволен, все ему не по душе и у него дурное расположение духа, слабеет его воля и легко утрачивается самообладание. Он часто подвержен низким страстям, беспричинному страху или бесшабашной отваге, паталогической ревности. Он раздражителен, злобен, подозрителен. Алкоголизм часто ведет к половой распущенности и сексуальным извращениям, губительно отражается на потомстве.

Подобно любому наркотику, алкоголь в слабых дозах вначале действует возбуждающе. А позднее и в более сильных дозах парализует отдельные живые клетки и весь организм. Возбуждение сменяется фазой угнетения. Раньше всего парализуются тормозящие центры (сознание, воля), и человек теряет свой обычный, нормальный облик. Он лишается способности оценивать и контролировать свои поступки, становится все более развязным, бестактным, циничным. Затем наступает расстройство физиологической координации организма: не слушаются ноги и теряется равновесие, заплетается язык, и речь делается бессвязной. Постепенно пьяным овладевает тупая апатия, и он засыпает мертвецким сном.

Часто злоупотребление спиртными напитками переходит в хронический алкоголизм — тяжкое заболевание с запоями, белой горячкой, алкогольной меланхолией, манией величия, манией преследования и чаще всего с печальным концом. Во Франции, которая твердо держит пальму первенства по потреблению спиртных напитков на душу населения, алкоголь среди причин смертности стоит на 3-м месте, уступая только сердечно-сосудистым заболеваниям и раку. Не случайно в капиталистических государствах некоторые страховые компании отказываются страховать жизнь любителей спиртного. А когда все-таки идут на этот риск, устанавливают своим клиентам-алкоголикам более высокие размеры страховых взносов; клиентам-трезвенникам, напротив, предоставляют скидку от 3 до 5 процентов.

Алкоголь — смертельный враг семьи. Пьянство исключает *мир и согласие* между супругами, лишает женщину покоя, омрачает лучшие детские годы, мешает хорошему воспитанию детей и их учебе в школе, способствует воспитанию порочных наклонностей, причиняет детям много душевных мук и материальных *лишений* и — что, быть может, самое страшное — приучает с раннего возроста к вину. Невольно встает перед глазами картина В. Е. Маковского «Не пущу»: измученная женщина, на лице которой лежит печать безысходного горя, загораживает вход в кабак, пытаясь не пустить туда мужа. В ее глазах и страх, и отчаяние, и решимость. К ней прижимается худенький мальчик. Ребенок, вцепившись ручонками в мать, боязливо, с опаской глядит на отца — взлохмаченного, грязного, злющего. Да что для него жена, сын! Он весь во власти пожирающей его пагубной страсти. В одной его руке унесенные из дома последние вещи, другую он готов поднять на самых близких ему людей — лишь бы пробиться к заветной двери, за которой все его помыслы. Картина художника отражает другую эпоху, и тем печальнее, что именно она приходит на ум.

Ничто так не способствует развалу семьи, как пьянство. Это одна из самых главных причин разводов. Выборочные обследования, проведенные в различных областях и краях страны, а также ознакомление с делами бракоразводных процессов позволили установить, что чуть ли не половина всех разводов

совершается вследствие злоупотребления спиртными напитками одним из супругов, чаще всего мужем.

О всех этих последствиях алкоголя великолепно сказал Лев Толстой: «Вино губит телесное здоровье людей, губит умственные способности, губит благосостояние семей и, что всего ужаснее, губит душу людей и их потомство».

Алкоголь не есть единственная и исключительная причина преступности, но одна из наиболее важных. Пьянство и преступление чаще всего неразлучны, они идут рука об руку, и статистика четко показывает прямую зависимость преступности от алкоголизма. Более половины привлеченных к уголовной ответственности в Ленинграде совершили преступления в нетрезвом виде, свидетельствует Ю. Лукьянов, начальник управления милиции в Ленинграде[1]. И это вовсе не является каким-то исключением. В Горьковской области из числа всех преступлений за один год совершены в состоянии опьянения: умышленные убийства — 100 процентов, тяжкие телесные повреждения — 72 процента, грабежи — 53 процента[2]. В Белоруссии совершалось в состоянии опьянения каждое второе преступление[3]. В одном из районов Перми в пьяном виде произошло: краж социалистической собственности — 85 процентов и краж личной собственности граждан — 80 процентов, все изнасилования, умышленных убийств 91 процент[4]. В Костроме 80—90 процентов всех хулиганских поступков происходит на почве пьянства[5].

Группе осужденных за самые различные уголовные преступления, совершенные в разных районах страны, было предложено назвать причины их преступления. Половина опрошенных ответила: «Был пьян». Люди, призванные предотвращать и пресекать

[1] См. *Ю. Лукьянов*. Наступает вечер. «Известия», 1967, 27 мая.

[2] См. *Н. Четунова*. С чего начинается. «Литературная газета», 1966, 20 декабря.

[3] См. *Б. Фролов, В. Лагайский*. Не проходите мимо. Минск, «Беларусь», 1966, стр. 4.

[4] См. «Алкоголизм — путь к преступлению». М., Юриздат, 1966, стр. 14.

[5] См. *А. Протасов*. Преступление продолжается. «Северная правда», 1966, 22 августа.

нарушение законов, также отмечают несомненную причинную связь между пьянством и преступностью. Но скупая формула «был пьян» не раскрывает всей сущности явления. Несколько приподнимает покров таинственности исповедь самих пьяниц, она дает возможность понять, почему же горький пьяница очень часто становится преступником.

Из числа опрошенных пьяниц, угодивших за совершенные преступления в тюрьму, проработали на последнем месте работы накануне ареста менее одного года — 50 процентов, от одного до трех лет — 25 процентов. То есть подавляющее большинство на одном месте долго не засиживалось (разумеется, речь идет о работе). Повышенная склонность к переменам (смена работы раз в год-два) не имеет отношения к самой работе, ибо 90 процентов опрошенных пьяниц, оказывается, были удовлетворены своей профессией, специальностью, условиями труда. Еще несколько характерных штрихов: какой бы то ни было учебой они себя не утруждали, хотя свыше половины имеют в своем активе только начальное образование, на общественной работе не надрывались, газеты читали изредка, а к художественной литературе интереса и вовсе не проявляли. Зато потребляли спиртные напитки во все дни недели, всегда, когда в кармане «лишний» рубль. Не очень-то разборчивы были в выборе времени выпивки: не гнушались пить перед работой и среди рабочего дня свыше 60 процентов опрошенных. Большинство (80 процентов) отдавало твердое предпочтение водке, 5 процентов — коньяку и самогону. Половина опрошенных в один присест поглощает 400—500 граммов и больше самых крепких напитков. Пьют для самовозбуждения, для аппетита, чтобы интереснее и легче было общаться с людьми, для преодоления робости, чтобы веселее жить и просто так, от нечего делать. После выпивки 5 процентов опрошенных скандалили в семье, еще 15 процентов продолжали свои обычные занятия, немногие укладывались спать, большинство отправлялись гулять. Стоит ли удивляться, что 87,6 процента опрошенных совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения и в каждом четвертом преступлении принимали участие собутыльники. Такова наглядная

причинная связь формулы «был пьян» и совершаемых преступлений.

Пьянство является едва ли не самой главной причиной дорожных происшествий. В 1969 году каждый пятый водитель, совершивший в Москве аварию, был пьян, а у москвичей-пешеходов, виновных в дорожных происшествиях, каждый третий был в нетрезвом состоянии. Остается добавить, что больше всего совершается преступлений, особенно против личности, в пятницу, субботу, воскресенье — в дни самого высокого за неделю потребления спиртных напитков. Так общество платит за безудержное влечение отдельных граждан к водке своим покоем, имуществом и, что особенно страшно, жизнями безвинных жертв. Не слишком ли велика цена, которой приходится рассчитываться нам за безумство преступников!

Но и этим реестр потерь не исчерпывается. Алкоголизм наносит колоссальный материальный ущерб производству и государству. Не весь он может быть учтен и подсчитан, и все же урон исчисляется в миллиардах рублей. Перечислим, из чего он складывается: невыходы на работу вследствие заболеваний и несчастных случаев из-за пьянства, прогулы и опоздания по той же причине, производственный травматизм с его самыми большими вспышками по понедельникам и в дни после праздников, порча сырья и оборудования, снижение качества выпускаемых изделий и явный брак.

Алкоголь понижает работоспособность человека. Совсем небольшие дозы спиртного отрицательно сказываются на умственной деятельности. Многочисленные опыты позволили установить, что даже 100 граммов сорокаградусной водки почти на треть понижают мышечную силу, кратковременно нарушают высшую нервную деятельность человека, дают знать о своем присутствии в организме почти на протяжении двух суток кряду. Стоит ли удивляться, что производительность труда у умеренно пьющего на следующий день после выпивки падает на 4—5 процентов, а после обильной попойки — на 25—30 процентов! Таковы объективные показатели. А вот мнение на сей счет самих любителей спиртного. Из опрошенных по этому поводу полутора тысяч человек

18 процентов стыдливо умолчали о своем мнении. Еще 44 процента полагают, что выпивка работе не помеха. Только 1,5 процента убеждены, что сильная выпивка накануне идет им на пользу и благоприятно сказывается на работе. Наконец, 36,5 процента опрошенных чистосердечно признают отрицательное влияние злоупотребления спиртным на их работу. Следовательно, не все находятся в счастливом неведении или, что более вероятно, просто лицемерно утаивают горькую правду.

Большой ущерб производству наносят прогулы и опоздания. В девяти случаях из десяти они совершаются из-за пьянства. Опрос показал, что из числа поклонников спиртного не выходили на работу 1—2 раза в месяц 8 процентов, более двух раз — 2 процента, опоздали на работу соответственно 7 и 2 процента. Небольшая группа (10 процентов), сославшись на скверную память, предпочла не отвечать на вопросы о прогулах и опозданиях. Стало быть, пятая часть опрошенных совершает тягчайшие нарушения трудовой дисциплины и вносит дезорганизацию в производственный процесс.

По нашим ориентировочным подсчетам, примерно 1 процент всех рабочих-мужчин, занятых на промышленных предприятиях и стройках, из-за пьянства не выходит на работу и потери рабочего времени составляют здесь ежегодно десятки миллионов «человеко-дней». Трудно подсчитать весь экономический ущерб, который наносит пьянство со всеми его последствиями сельскому хозяйству, особенно в разгар сельскохозяйственных работ. Не малые потери несет производство вследствие хищений, совершаемых пьяницами.

Невозможно выразить в рублях моральный ущерб, наносимый пьянством производству и его работникам, но и он не должен сбрасываться со счета. В реестр общественных потерь и убытков надо включить также не поддающиеся денежному измерению семейные драмы, исковерканное детство, испорченные судьбы взрослых и многие другие последствия пьянства.

Быть может, алкоголики не осознают последствий, которыми лично для них чревато пьянство? Ни-

чуть не бывало! Большинство из них отдает себе отчет (и не делает секрета), что вследствие неумеренного потребления спиртных напитков прежде всего: обостряются отношения с женой (мужем), портятся отношения с родителями, теряется уважение и любовь детей, появляются затруднения на работе, ухудшается материальное положение, подрывается здоровье, возникает отвращение к самому себе.

Пьянство — огромное зло с тяжкими социальными последствиями. Злостные, отпетые пьяницы представляют опасность для общества. Им должна быть объявлена беспощадная, решительная борьба. Участие в ней — не только удел тех, кто непосредственно терпит бедствие от алкоголиков, и не только задача отдельных энтузиастов — противников пьянства, а дело первостепенной общественной, государственной важности.

Искоренить зло будет значительно легче, если мы хорошо распознаем его носителей. Натурой для написания портрета (демографические данные, причины увлечения спиртными напитками, манеры и поведение) более или менее типичного пьяницы послужило знакомство с клиентами вытрезвителей промышленного города, опрошенных как в стенах вытрезвителей, так и по месту жительства.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КЛИЕНТА ВЫТРЕЗВИТЕЛЯ

Уже первое, даже беглое, знакомство с вытрезвителем и его клиентами опрокидывает укоренившееся превратное представление о том, что это специализированное учреждение по обслуживанию узкого круга лиц, регулярно пользующихся его услугами. Контингент постоянных клиентов вытрезвителя по численности сравнительно невелик, основную массу посетителей составляют новички. Из числа опрошенных алкоголиков здесь уже оставляли прежде свои «визитные карточки» по одному или по два раза 12,5 процента, три-четыре раза — 4,4 процента, пять-шесть раз — 0,9 процента, семь-восемь раз — 0,5 процента. Стало быть, только каждый пятый относится к числу бывалых посетителей вытрезвителя, а 80 процентов впервые переступили порог этого заведения. На первый взгляд обилие новичков можно считать ободряющим симптомом: споткнулся, мол, человек единожды, осознал свою ошибку и впредь ее уже не повторит. Ничуть не бывало! Рано ставить такой диагноз! Опрос показал, что ровно половина обследованных алкоголиков пьянствует по нескольку раз в месяц, а 2,5 процента систематически — по нескольку раз в неделю. Следовательно, они редко гостят в вытрезвителе по независящим от них причинам: не каждому пьяному милиция успевает оказывать достойное его внимание. Легче было бы воевать с этим недугом, если бы им были поражены единицы, значительно труднее бороться со злом, которое приобретает распространение. Но именно это обстоятельство делает необходимость борьбы с пьянством еще более настоятельной и безотлагательной.

При распределении опрошенных алкоголиков по возрастным группам (с интервалом в 10 лет) самой многочисленной оказалась группа с 31 до 40 лет. На ее долю приходится 41,1 процента. На втором месте группа в возрасте с 21 по 30 лет — 28,3, далее 41 — 50 лет — 15,3 и до 21 года — 7,4 процента. Стало быть, наиболее опасный возраст у мужчин — с 31 до 40 лет.

Больше всего разводов по причине сильного увлечения одним из супругов (чаще всего мужем) спиртными напитками приходится как раз на лиц в возрасте от 31 до 40 лет — 62 процента, все остальные разводящиеся по той же причине до 31 года и после 40 лет составляют всего лишь 38 процентов. В справедливости вывода об опасном мужском возрасте убеждает еще один факт. Опрос помог установить, что среди алкоголиков, которые и впредь не намерены вести трезвый образ жизни, главенствующее место принадлежит мужчинам в возрасте от 31 до 40 лет — 40 процентов, далее следует возрастная группа 21—30 лет — 30,5 и 41—50 лет — 16,7 процента. То есть вновь выявилась все та же возрастная картина. Отметим еще одну любопытную деталь: есть строгая обратная зависимость между возрастом обследованных и поводами выпивки — чем больше человеку лет, тем меньше ему нужно поводов для вы-

пивки. Очевидно, с увеличением возраста пьянство у этой категории людей становится столь обычным занятием, что для него уже поводов не требуется.

Сравнительно с другими возрастами невелико число алкоголиков среди лиц, перешагнувших 50-летний рубеж. Но и людей этого возраста вообще-то меньше. Им, наверное, уже не так угрожает развод, но их подстерегает множество других опасностей, и поглощать часто и в неумеренных дозах спиртное в таком возрасте вдвойне легкомысленно. Я на этом специально останавливаюсь, так как авторы некоторых исследований проблемы алкоголизма утверждают, что человек, доживший, невзирая на увлечение спиртными напитками, до 60 лет, уже после этого возраста становится чуть ли не кандидатом в долгожители, а умеренно пившие и вовсе обладают наибольшей продолжительностью жизни. Увы, это вовсе не закономерность, а эмпирический факт, наблюдавшийся в одних обследованиях, но не нашедший подтверждения во многих других, позднее проведенных и поставленных с учетом последних достижений науки. Поэтому никому не советую на это уповать: потребление спиртных напитков в раннем и преклонном возрасте особенно противопоказано.

Среди клиентов вытрезвителя имеются лица любого семейного статуса. Соотношение женатых и холостых, вдовых и разведенных мало чем отличается от пропорций, характерных для города в целом. Несколько меньше этой нормы женатых-служащих. Очевидно, здесь семейное положение выступает в качестве несколько сдерживающего фактора. Наличие детей в семье также можно рассматривать как фактор, если не исключающий пьянство, то, во всяком случае, хоть в некоторой степени ему противоборствующий. К такому выводу побуждает то, что у 40 процентов рабочих и 60 процентов служащих, из числа доставленных в вытрезвители, нет детей, иначе говоря, бездетных алкоголиков можно встретить чаще, нежели отцов семейств.

В выходные дни, субботу и воскресенье, женатые меньше пьют и реже попадают в вытрезвители, чем холостые, разведенные и вдовцы. Из числа опрошенных рабочих-женатых в эти дни доставляется в вытрезвители 16 процентов, а холостяков — 26 процентов, разница среди служащих еще больше — соответственно 12 и 34 процента. Но выходные сменяются буднями, и здесь-то женатые пьяницы, ускользнув из-под семейного надзора, берут реванш. В эти дни они «отводят душу» и по посещаемости вытрезвителей ничуть не уступают холостым.

Семейное положение довольно отчетливо сказывается также на выборе времени для выпивки: женатые, и рабочие и служащие, предпочитают посвящать этому занятию время до 18 часов дня, то есть до той поры, когда им надлежит являться домой; неженатые чувствуют себя свободнее, их излюбленное время — вечерние часы. Остается заметить, что из числа женатых-рабочих пили в подъезде и на улице 38 процентов, а из неженатых — лишь 27 процентов, из служащих — соответственно 20 и 15 процентов. Как видно, женатым пьяницам приходится прибегать ко многим ухищрениям, дабы усыпить бдительность своих близких. В тех же случаях, когда пьяницы находятся в кругу семьи, они вынуждены умерять свой аппетит. Беда в том, что на общесемейный досуг приходится не столь уж много времени. К тому же переход некоторых предприятий на пятидневный режим труда и отдыха со скользящим графиком выходных дней, позволив почти полностью ликвидировать такое зло (особенно для женщин), как ночные смены, породил новую проблему — несовпадение выходных дней у членов семьи.

Клиенты вытрезвителя обладают характерным для города в целом соотношением образовательного уровня. Лишь у четвертой части всех опрошенных он начальный. У каждого десятого — законченное среднее и специальное среднее образование, а 3 процента опрошенных пьяниц имеют дипломы о высшем образовании. И глубоко неправы те, кто наивно полагает, что высокий образовательный уровень и пьянство — явления несовместимые.

Образование дает себя знать в поведении алкоголиков. Например, пьют на улице и в подъезде из числа лиц с высшим образованием 11 процентов, со средним и средним специальным — 33 процента, низшим — 40 процентов. Крепко выпив, считают, что

они «поступили очень правильно»: из имеющих высшее образование 14 процентов, среднее и среднее специальное — 19 процентов, низшее — 30 процентов. Другие показатели также говорят о несколько лучших манерах у лиц с более высоким образованием.

Существует представление, что живущие в хороших жилищных условиях в меньшей мере подвержены алкоголизму. Точно такого же мнения придерживался и я. Однако эта гипотеза при проверке в нашем обследовании не подтвердилась. Все опрошенные были разбиты по признаку жилищных условий на несколько групп: живущие в общежитии, в коммунальной квартире, в отдельной, в собственном доме, снимающие комнату. Все группы представлены в процентном отношении в обследованной совокупности примерно в средних пропорциях, то есть «представительство» проживающих в отдельных квартирах среди клиентов вытрезвителя отнюдь не ниже, чем у тех, кто обитает в коммунальных квартирах либо снимает комнату. Анализ поведения, связанного с выпивкой, также не говорит о лучших манерах и более мягком и покладистом нраве у владельцев домов и жителей отдельных квартир в сравнении с живущими в менее благоприятных условиях.

Пьяницы, проживающие в коммунальных квартирах, в 4 раза реже, как показало обследование, представали перед товарищеским судом и привлекались к административной ответственности, чем имеющие отдельные квартиры, и в 2 раза реже владельцев собственных домов. Живущие в коммунальных квартирах также уступают всем своим «коллегам» из других групп по присутствию в нетрезвом состоянии в общественных местах. Имеющие отдельные квартиры, будучи в пьяном виде, устраивают дебош в семье и в квартире не реже, чем жители коммунальных квартир, а владельцы домов по дебошам идут вровень со снимающими комнату. Больше всего повторных задержаний и водворений в вытрезвитель приходится на долю владельцев собственных домов, затем идут опрошенные алкоголики из отдельных квартир, следом за ними — живущие в коммунальной квартире и замыкают этот ряд снимающие комнату. Таким образом, «плохие»

жилищные условия не оказывают сколько-нибудь заметного влияния ни на пьянство, ни на поведение клиентов вытрезвителя после выпивки.

Среди опрошенных работоспособных лишь 5 процентов не работает и нигде не учится, причем у подавляющего большинства из них перерыв в трудовой деятельности составляет менее одного месяца. Таким образом, опрос не выявил какой-то заметной группы лиц, которые нигде не работали бы и существовали на неизвестно где и каким путем добытые доходы.

За исключением буквально лишь единиц, все опрошенные клиенты вытрезвителя очень четко могут быть классифицированы по различным социальным группам: рабочие (мужчины — 87 процентов и женщины — 77,8 процента), служащие (соответственно 9,3 и 22,2 процента), инженерно-технические работники, учащиеся и т. д.

Среди клиентов вытрезвителя встречаются пенсионеры, питающие слабость к алкогольным напиткам. Почтенный возраст требует особо уважительного отношения, и просто неловко говорить о пенсионерах, теряющих чувство меры настолько, что они умудряются попадать в вытрезвители. Эта группа пенсионеров проводит свой заслуженный отдых отнюдь не заслуживающим одобрения образом.

Если бы понадобилось составить перечень профессий всех лиц, доставляемых в вытрезвители, то получился бы предлинный список, насчитывающий добрую сотню специальностей. Здесь шофер и инженер, станочник и врач, пожарник и актер, журналист и ассенизатор... Оговоримся, не все они представлены в средних пропорциях. Некоторые имеют особенно широкое представительство в кругу пьяниц, но это особый вопрос, и к нему мы вернемся.

Среди опрошенных алкоголиков имеются, правда, не в равных пропорциях, самые различные группы по среднему месячному заработку и душевому доходу. Было бы очень важно установить, существует ли зависимость между величиной доходов семьи и пьянством. Расцветает ли пьянство при более высоком уровне жизни семьи или, наоборот, оно в этом случае начинает увядать? Вопрос этот не только интересный, но сложный и, наверное, поэтому крайне

слабо изученный. Беда в том, что, хотя порывы к пьянству отнюдь не благотворны, ему бывают покорны люди самого различного имущественного достатка. Выявить в этих условиях интересующую нас зависимость не просто.

К тому же правильный ответ не может быть получен путем одного только подсчета числа лиц из групп с разным душевым доходом, появившихся в нетрезвом виде в общественном месте или натворивших что-то недозволенное. Ведь может так статься, что в среде, к примеру, доцентов или главных бухгалтеров (группы с высоким доходом) пьют больше, чем среди лаборантов и товароведов (группы с более низким доходом). Только первые живут в лучших условиях, питаются лучше, и, следовательно, их организм обладает большей сопротивляемостью алкоголю. Да еще пить доценты привыкли в домашней обстановке или в ресторане, а товароведы менее привередливы. И попадать в статистическую отчетность о пьянстве будет больше товароведов, нежели доцентов, хотя последние имеют на это ничуть не меньше прав. Подобные трудности мешают однозначному ответу. Одни исследователи уверяют, что с ростом доходов в группах трудящихся траты на спиртные напитки и их потребление заметно сокращаются. Другие — их большинство — убеждены в противном. Ссылаясь на данные русских дореволюционных обследований бюджетов рабочих Петербурга, Киева, Московской губернии, а также данные немецких и американских бюджетных обследований, они приходят к прямо противоположному выводу о том, что рост доходов семьи влечет за собой и абсолютный (в рублях) и относительный (в процентах к бюджету) рост расходов на спиртные напитки.

Данные, которыми мы располагаем, не позволяют присоединиться ни к той, ни к другой точке зрения. В нашем обследовании и у рабочих и у служащих, в группах с различной величиной потребительского бюджета (величиной душевого дохода в семье), не наблюдается существенных различий в расходах на спиртные напитки. То есть опрошенные алкоголики пьют без оглядки на свои доходы. Имеем ли мы здесь дело с закономерностью или в данном случае речь идет всего-навсего об эмпирическом факте локального значения, сказать со всей определенностью трудно. Для этого требуются дополнительные обследования. Но какова бы ни была зависимость между доходами семьи и расходами на алкоголь, одно кажется совершенно бесспорным: чем выше благосостояние семьи, тем меньше, при прочих равных условиях, будут отрицательные последствия от потребления спиртных напитков.

Значительно легче и проще установить влияние пьянства на величину заработка. Если взять какую-то часть алкоголиков и путем случайной выборки отобрать равную ей по численности группу лиц той же профессии и с тем же стажем работы, но не пьянствующих, то заработки во второй группе будут выше. Половина из числа опрошенных нами алкоголиков зарабатывает в месяц в среднем до 80 рублей и четвертая их часть — от 81 до 100 рублей. Между тем 25 процентов опрошенных имеют производственный стаж от четырех до десяти лет и 60 процентов — от одиннадцати лет и выше. Значит, большинство из них не новички, не успевшие повысить свою квалификацию и овладеть более высоко оплачиваемой специальностью. Причина их небольших заработков — в постоянном желании пьянствовать, которому они подвержены уже в течение длительного времени. Опрос показал, что 40 процентов обследованных пьянствуют от четырех до десяти лет, а 45 процентов — одиннадцать лет и больше. Это в точности совпадает с числом лиц, имеющих невысокий заработок. Они мало получают потому, что много пьют.

Пьянство всегда и везде считалось преимущественно мужской проблемой. Таковой она остается и поныне. Однако и здесь появляются тревожные симптомы. В последнее время во многих городах пришлось открыть женские отделения в вытрезвителях и психиатрических лечебницах, где лечат алкоголиков. По-видимому, менее замкнутый образ жизни, который ведут в настоящее время женщины, их более высокая, нежели прежде, социальная мобильность и производственная активность имеют, как, впрочем, и многие явления общественной жизни, не только положительные стороны, но и некоторые

минусы. Среди обследованной нами группы алкоголиков женщины составили только 2,6 процента. Вроде бы немного? Но из опрошенных женщин 42 процента пьют по несколько раз в месяц, свыше чем у половины местом выпивки была улица или подъезд, у 72 процентов это случалось в будний день, у половины опрошенных, по их собственному признанию, абсолютно никакого повода к выпивке не было.

Итак, две-три женщины приходится на сотню мужчин. Много это или настолько мало, что, быть может, и не заслуживает упоминания? Ответ зависит от того, с какой меркой подходить к этому явлению. Если сравнивать с капиталистическими странами, то там можно наблюдать значительно более мрачную картину. Однако мне кажется слабым утешением то, что в Англии, Франции, США, Швейцарии и других странах этому злу подвержено в несколько раз больше женщин, чем у нас. Наверное, все согласятся: в таком учреждении, как медицинский вытрезвитель, не место ни для одной женщины. Ее появление там — чрезвычайное происшествие.

Знакомство с демографическими данными алкоголиков убеждает в том, что бытовавшие одно время представления о непременной связи пьянства с особо тяжкими жизненными условиями, неудовлетворенностью своей работой и личными драмами безвозвратно устарели. Среди клиентов вытрезвителя встречаются люди разного достатка, живущие в разнообразных жилищных условиях, лица всех возрастов, всевозможных профессий, различного семейного положения.

Но все же можно обнаружить некоторые специфические черты и особенности в обобщенном портрете пьющего.

Доля изрядно выпивающих относительно меньше в среде тех, кто имеет специальное образование, занимается умственным трудом. Резко она возрастает у работников труда физического. В этом убеждают профессии опрошенных клиентов вытрезвителей (в процентах).

Работающие вручную	51,2
Строительные рабочие	17,3
Шоферы, трактористы	10,7
Грузчики, возчики	5,8
Механики, инженеры, технологи, мастера и т. д.	7,0
Станочники, токари, фрезеровщики	3,8
Учителя, врачи и т. д.	1,0
Артисты, художники, журналисты	0,9
Прочие	2,3

Приведенные данные показывают, что свыше половины опрошенных — представители ручного труда. Вовсе не имеют никакого разряда 48 процентов опрошенных рабочих и 11 процентов имеют лишь первый и второй разряды. То есть 60 процентов пьяниц составляют мало- или совсем неквалифицированные работники, не представляющие современного рабочего класса. В числе опрошенных доля станочников составила менее 4 процентов. Среди опрошенных нами рабочих почти нет членов партии и комсомольцев (среди станочников — ни одного коммуниста). Таким образом, напрашивается вывод, что алкоголизм — проблема неквалифицированной части рабочего класса. Вслед за группой неквалифицированных идет большая группа строительных рабочих: на их долю пришлась шестая часть всех обследованных, и примерно такова же доля шоферов, трактористов, возчиков и грузчиков. Разумеется, доля строительных рабочих, а также шоферов, возчиков, грузчиков среди обследованных несоразмерно велика по сравнению со значительно более скромным удельным весом представителей этих профессий в численном составе всего рабочего класса. Именно названные категории должны привлекать к себе особенно пристальное внимание общественности.

РИТУАЛ ПЬЯНСТВА И МАНЕРЫ АЛКОГОЛИКА

Часы «пик» бывают не только на городском транспорте. Встречаются они и в работе милиции. Причем на ее долю выпадают уже не часы, а целые дни «пик». Приходятся они на дни получек. Как-то незаметно установилась дурная привычка, которую многие уже возводят в традицию — «обмывать» выдачу зарплаты. В эти горячие дни месяца бывает наибольший наплыв визитеров в вытрезвители —

в 3—4 раза больше против средних за месяц суточных поступлений.

Различаются по напряженности и дни недели. Самый тревожный день — суббота, следом идет пятница и затем воскресенье. В эти дни в вытрезвители города соответственно попадает 21, 16 и 15 процентов всего числа алкоголиков, задержанных за неделю. Самый спокойный день — понедельник, на него приходится лишь 10,1 процента. В этот первый рабочий день недели алкоголики, очевидно, опохмеляются и начинают потихоньку приходить в себя.

У пьяницы есть не только свои излюбленные для выпивки дни, но и часы. Спозаранку, во всяком случае до 10 часов утра, успевает напиться 3 процента клиентов вытрезвителей. Еще 7 процентов предпочитает время между 10 и 13 часами. Следующим двум часам отдают предпочтение 10 процентов. Все же самые оживленные часы наступают у алкоголиков с 15 до 18 часов включительно — приступает к делу самая большая группа пьяниц — 37 процентов. Любители выпить в последние шесть часов суток составляют 42 процента. Обращает на себя внимание то, что свыше половины всех опрошенных умудряются напиться до наступления вечера, то есть в пору, когда основная часть населения занимается общественно полезным трудом. Невольно возникает подозрение, что некоторые прикладываются к бутылке и во время рабочей поры. Так оно и есть. Из опрошенных каждый десятый пьет до работы, каждый пятый — во время трудового дня. Выпивают на работе ежедневно 1 процент опрошенных, 2—3 раза в неделю — 5 процентов, один раз в неделю — 12 процентов. Надо при этом иметь в виду, что 70 процентов опрошенных не пожелали ответить на этот вопрос.

Удовольствие, которое любят себе доставлять алкоголики, отнюдь не из дешевых, и оно оставляет весьма заметные следы в семейном бюджете [1].

В настоящее время, по данным бюджетных обследований, в разных районах нашей страны на алкогольные напитки идет 6,7 процента всех семейных расходов. Точное сопоставление с дореволюционными затратами на эти цели затруднено несопоставимостью цен. Что же касается абсолютной величины теперешних затрат семьи на спиртные напитки, то здесь требуется два уточнения. Во-первых, во время бюджетных обследований опрашиваемые, как правило, преувеличивают свои расходы, но они этому правилу изменяют, когда речь идет о спиртных напитках. Во-вторых, 6—7 процентов — это в среднем; в семьях же, где есть алкоголики, расходы неизмеримо выше средних данных. Они ежемесячно расходуют на спиртные прихоти чуть ли не треть всех доходов. Пьяницы, хорошо осведомленные в этом вопросе, истину не искажают и называют подлинную, а не вымышленную сумму. Алкоголики дорого обходятся своим семьям.

Обследованным алкоголикам главным источником средств на спиртные напитки служит их заработная плата. Каждый двадцатый изыскивает средства для удовлетворения своих алкогольных потребностей путем специальных «левых» приработков. Совсем немногие докатились до продажи вещей. Только каждый тринадцатый пьет за чужой счет. Большинство же не унижаются до такой степени и с «достоинством» пьянствуют на собственные деньги.

Только половина всех опрошенных местом для выпивки избирает квартиру свою или знакомых, совсем ничтожное число посещает рестораны — 1,5 процента, устроиться в столовых и кафе удается 8 процентам. Почти 40 процентов алкоголиков пьют на улице или в подъездах домов. Надобно еще присовокупить, что и тем, кто начинает выпивку под крышей над головой, затем не сидится дома, и их как будто какая-то неведомая сила тянет на улицу, на люди. Именно там было подобрано четыре пятых всех алкоголиков, доставленных в вытрезвители.

Времена, когда алкоголик предпочитал пить горькую в гордом одиночестве, канули в Лету и, наверное, больше не вернутся. Современному алкоголику претит одиночество, он ищет общений и контактов с подобными себе поклонниками Бахуса, чтобы в их теплой компании, как говорил Джером К. Джером,

[1] С увеличением количества членов семьи расходы на алкогольные напитки и абсолютно и относительно немного понижаются. Это дает повод вновь отметить, что семейные узы несколько сдерживают пьянство.

пить за здоровье друг друга и портить собственное здоровье.

Из опрошенных нами алкоголиков пили: наедине с самим собой — 3 процента (это чаще всего самые отпетые алкоголики), в своей семье — 3 процента, со знакомыми и соседями по дому — 3 процента, со случайными знакомыми — каждый четвертый. Почти 60 процентов выпивают с товарищами и сотрудниками по работе. Так пьянство из семейной обстановки, из своего дома переносится в деловую сферу, где ближайшими собутыльниками становятся сослуживцы. Вот поэтому-то «пик» пьянства приходится на 15—19 часов — время конца работы и начала сколачивания компаний для выпивки.

Ассортимент выпускаемых алкогольных напитков достаточно разнообразен, и любителям спиртного предоставляется широкий выбор, способный удовлетворить любой, даже самый изысканный вкус. Но гастрономические вкусы алкоголиков поразительно сходны, и подавляющее большинство единодушно отдает предпочтение одному и тому же напитку. Вот как выглядит выбор вин у клиентов вытрезвителя:

водку предпочитают	85,2 процента,
крепленые вина	6,8 процента,
сухое, полусухое вино	3,8 процента,
пиво	1,8 процента,
коньяк	1,5 процента,
довольствуются самогоном	0,9 процента.

Эта своеобразная шкала предпочтений («настоятельности») четко и недвусмысленно показывает, в каком напитке таится наибольшая опасность. Она также служит хорошим объяснением того, почему, уступая другим странам по душевому потреблению алкогольных напитков, например Франции, в 4—5 раз, мы не имеем абсолютно никаких оснований для самоуспокоения.

Показатель «что пьют» обретает особый смысл и на многое раскрывает глаза, когда рядом становится показатель «сколько пьют». Цифры, которые сейчас будут названы, таковы, что они сами за себя говорят и не требуют ни пояснений, ни комментариев. И все же одно предварительное замечание. Многие ученые спорили, какую дозу алкоголя можно признать умеренной, совсем безвредной для здоровья. Называли разные дозы, но к единому мнению так и не пришли. Навряд ли это вообще возможно, если иметь в виду, что доза в 15 граммов алкоголя уже нарушает нормальное функционирование органов чувств. Ниже мы еще вернемся к вопросу о так называемом умеренном потреблении алкогольных напитков. Что касается порций, в которых поглощается водка, то в применении к ним слово «умеренное» звучит как скверная шутка. Впрочем, судите сами.

Сколько водки выпивает в один раз клиент вытрезвителя
(в процентах)

	Просто пьяницы	Пьяницы, осужденные за совершенные преступления
100 граммов	1,3	3,1
200 »	18,7	18,2
300 »	37,5	24,7
400 »	22,7	24,6
500 » и более	19,8	29,4

Как видно, немногие довольствуются 100 гр. Для подавляющего большинства «нормальная» порция — 300—500 граммов водки в один присест. Но ведь не каждый ограничивается одним разом, некоторые прикладываются по нескольку раз на день. Опрошенные навряд ли стали бы возводить на себя напраслину, завышать данные о своем потреблении, скорее наоборот. И можно только удивляться выносливости тех, кто так пьет сорокаградусную!

Оценивая описанный выше ритуал пьянства, послушаем прежде всего, что алкоголики скажут о собственном поведении. Признаюсь, что при составлении опросного листа были сильные сомнения: стоит ли ставить перед алкоголиками вопрос ребром, требуя от них критической оценки своих действий. Казалось, что они поведут себя подобно грешникам на исповеди: станут каяться, сожалеть о дурном поведении, покорно давать клятву: «Больше не буду».

Плохо мы знали алкоголика! Последовавшие ответы показали всю наивность наших представлений. 1 процент опрошенных твердо и решительно заявили: «Я алкоголик». Ясно, что вслед за таким красноречивым признанием их уста ни раскаяния, ни клятв не произнесли. И еще 30 процентов, невзирая на то, что беседа с ними протекала в официальной обстановке в стенах вытрезвителя, без особых колебаний оценили свое поведение короткой фразой, впрочем, и не требующей особых пояснений: «Пил и пить буду». Остальные, правда, признали с некоторыми оговорками, что они поступили плохо, но это уж никак не может изменить того тревожного факта, что одна треть клиентов вытрезвителя не видит ничего зазорного в своем поведении и вовсе не намерена отказываться от привычных повадок.

В наблюдаемом ритуале пьянства поражает какая-то обыденность, приземленность, если угодно, этакая деловитость и чисто потребительский подход. Пьянство у части населения становится каким-то будничным, само собой разумеющимся элементом жизненного уклада, и поэтически воспетая заздравная чаша превращается в прозаический затрапезный стакан.

Разумеется, неуместно рассуждать о пьянстве красивом и некрасивом или пристойном и непристойном. Оно в любой форме и во всех своих обличьях неприглядно и достойно осуждения. И все-таки трудно удержаться и не заметить, что в последнее время приходится видеть пьянство в отвратительных, совершенно непристойных формах. Некоторые любители спиртного создают впечатление, что этот порок начисто вытравил у них даже малейшее чувство стыда, и о своих поступках, поведении они просто не задумываются. Им явно претят строки поэта:

Кувшину, брат, не подражай в одном:
Не наполняйся до краев вином.

Поступают они как раз вопреки совету поэта. У Апулея в «Золотом осле» есть мудрец, довольно терпимо относящийся к пьянству: первые три чаши он отводит жажде, веселью, наслаждению и только четвертую — безумию. Любопытно, что бы он сказал

о тех нынешних пьяницах, которые выпитому подчас счета не ведают?

А между тем каких только безобразий не творят пьяницы, когда вдоволь наполнятся вином. Они не желают властвовать собой и не помышляют этому учиться. Утрата пьяницами всякого чувства меры, беспардонность и нахальство, нежелание считаться с окружающими, пренебрежительное отношение к общественным нормам, омерзительный характер их поведения — все это говорит об ущербности их человеческой природы, бытия и сознания. И не о людях этого сорта слова Максима Горького: «Человек!.. Это звучит гордо!»

ПРИЧИНЫ ПЬЯНСТВА ИЛИ ПЬЯНСТВО БЕЗ ПРИЧИН

Два процента опрошенных алкоголиков наотрез отказались назвать причины выпивки и, таким образом, утаили те жизненные коллизии, которые привели их в вытрезвитель. Остальные охотно сознались в поводах, побудивших их напиться до бесчувствия. Всего названо два десятка причин, вот некоторые из них (в процентах к числу опрошенных):

«Не везет в жизни»	0,1
«Плохие жилищные условия»	0,2
«Замучило одиночество»	0,2
«Ввиду плохой погоды»	0,3
«В связи с болезнью»	0,6
«Ссора с женой на почве ревности»	0,7
«На похоронах»	0,7
«С расстройства»	1,3
«В честь выходного дня»	3,9
«Праздники личные»	7,8
«Обмывал получку»	16,0
«Вспрыснул встречу с друзьями»	26,2
«Захотел и напился»	38,0

Прежде чем анализировать эти поводы, покинем на время алкоголиков и обратимся к другой части населения, которой не чуждо ничто человеческое, хотя о вытрезвителе ей известно только понаслышке. Я заговорил об этих людях вовсе не для каких-то рискованных сравнений, которые могли бы кого-то незаслуженно обидеть, и не для призывов к аскетизму и абсолютному воздержанию. Хочется лишь привлечь внимание к тем поводам, по которым мы

рады бываем пригубить «кубок янтарный» и вкусить «кровь виноградной лозы». Эти поводы, мотивы могут быть сформулированы следующим образом: пьют при свидании и разлуке, с горя и с радости, с приездом и отъездом, с печали и с веселья, при рождении и на похоронах, чтобы прогнать голод и для аппетита, во время холода «для согрева» и в жару, «дабы охладиться», «по первой» и «дай бог не в последний раз» и т. д. и т. п. Не это ли разнообразие поводов привело к тому, что в последнее время стало общепринятым, когда в преддверии праздников — малых, средних и больших — деловито усаживаются за столы со снедью и разнообразными напитками в яслях и детсадах — воспитательницы, в школах — учителя и учительницы, в вузах — преподаватели и научные сотрудники, в больницах — психиатры, терапевты и хирурги, в крупных магазинах — товароведы, продавцы, главные бухгалтеры и просто бухгалтеры. Так невольно, без злого умысла, но в массовом масштабе мы создаем почву, на которой появляются всходы для вытрезвителя.

Вернемся, однако, к нашим главным «действующим лицам». Они без особого труда назвали два десятка поводов, а сколько среди них подлинных причин пьянства? Раз-два, и обчелся. Но нет явлений ни в природе, ни в обществе, которые не были бы чем-то обусловлены. Есть, конечно, и причины пьянства. Только при современной изученности, а скорее, неизученности данной проблемы (я имею в виду не медицинский, а социальный ее аспект), не приходится говорить о доскональном знании всех причин. И в этом одна из главных трудностей борьбы со злом.

Разумеется, алкоголики могут не то чтобы скрыть, а просто не знать подлинных причин пьянства. И строить выводы на основании только анализа их мнений было бы непростительной ошибкой. Вместе с тем их нельзя совсем игнорировать, они дают кое-какую пищу для размышлений.

Почти 40 процентов опрошенных никаких поводов не назвали, взбрело им в голову напиться — так они и сделали. Еще 10 процентов отмечали всякие праздники, а каждый пятый пил в честь дня получки и выходных. И еще у 26 процентов поводом были

встречи со своими друзьями. Итак, мы уже перебрали 96 процентов алкоголиков, а причинами, с которыми традиционно связывают пьянство, здесь еще и не пахнет. При скрупулезном подсчете десятых долей процента оказалось, что только 3,1 процента называют нечто близкое к предмету нашего поиска: 1,6 процента указали на одиночество, расстройство, невезение в жизни; 0,6 процента — болезни; 0,7 процента — семейные драмы на почве ревности; 0,2 процента — неважные жилищные условия. Таким образом, семейные драмы, душевные потрясения, одиночество и т. п. представлены в гомеопатических дозах, а трудные материальные условия или плохие условия труда и неудовлетворенность работой вовсе не фигурируют в качестве причин пьянства.

Напротив, удовлетворены полностью своей работой почти 80 процентов опрошенных, неудовлетворенных — всего 7 процентов. Точно такая же картина и с оценкой своей профессии: удовлетворены ею 78 процентов, затрудняются ответить — 6 процентов, неудовлетворено — 15 процентов. Правда, при удовлетворении и тем и другим почти 40 процентов жалуются на то, что они испытывают трудности в работе. Но в этом нет ничего парадоксального. Иначе и быть не может. Было бы странно, если бы никто из них при пьяном образе жизни не испытывал трудностей в работе. Вино тому причина.

Традиционными поводами стали: получка и выходной день, праздники и встреча с друзьями и просто пьянство без причины. Все это делает очень заманчивым назвать в качестве, если не единственной, то уж, во всяком случае, главной причины пьянства — привычки, обычаи. Поступив таким образом, мы бы ни на шаг к решению проблемы не приблизились. Не следует сбрасывать со счета привычку, но ведь появилась она не сама по себе, не как Афродита из пены морской или Минерва из головы Юпитера, у нее тоже есть причины. И надо смотреть в корень, доискиваться до этих причин.

Алкоголизм не передается по наследству. Нет такой закономерности, чтобы сын и дочь алкоголика непременно шли по стопам отца. Пьяницами не рождаются, ими становятся. При неблагоприятном стече-

нии обстоятельств такая беда может случиться и в семье трезвенников.

Не порождают сами по себе алкоголизма свинцовое небо и вечные туманы, холодный и влажный климат или суровые погодные условия. Вопреки мнению Монтескье, спиртные напитки не потребляют тем больше, чем холоднее климат. Жители северных стран знают, что алкоголь понижает температуру тела, и они никак не могут тягаться по потреблению спиртных напитков с населением, к примеру, Португалии, Италии или Франции, где душевое потребление спирта чуть ли не в 10 раз выше, чем в Норвегии. Некоторые авторы все же считали не подлежащим никакому сомнению, что в недуге пьянства в России климат играет немаловажную роль. Б. Ф. Брандт писал, что серая природа России с ее дождливой унылой осенью и долгой тоскливой зимой является одним из важнейших стимулов пьянства. Версия о предательском климате не подтвердилась, однако, и в России. В северных губерниях европейской части (за исключением Петербурга) потребление водки было примерно на 50 процентов ниже, чем в южных губерниях. И ныне потребление спиртных напитков в наших южных районах выше, чем в северных.

Во многих дореволюционных работах, посвященных алкоголизму, можно встретить утверждения о приверженности некоторых наций, в частности русских, к пьянству. Ход рассуждений в таких случаях бывает необычайно похожим и бездоказательным. Все в один голос ссылаются на глубоко авторитетное заявление князя Владимира Красное Солнышко: «Руси есть веселие пити, не может без того быти». Даже если эту легенду могли бы документально подтвердить и упомянутый князь тысячу лет тому назад впрямь изрек нечто подобное, то все одно — это шаткий аргумент в защиту утверждения о пьянстве как национальной русской черте. Между тем иных резонов, кроме означенного, вроде исторического, а скорее, анекдотического заявления, никто никогда не приводит. Да и не может, ибо таковых нет в природе. Все это — скверная выдумка. Приверженность к спиртным напиткам не предопределяется ни национальными особенностями, ни расовыми признаками.

Версия о национальном или расовом предрасположении к алкоголизму должна быть отвергнута в самой категорической форме. Нет пьяных наций, впрочем, как нет и трезвых наций. Есть в каждой — большая трезвая часть, и меньшая — пьяницы.

Очень соблазнительно провозгласить влечение к спиртным напиткам потребностью человека, аналогичной его потребностям в хлебных, молочных, мясных и других продуктах. Если такова естественная потребность, то отпадает надобность в выяснении еще каких-то причин, этим уже все сказано, пьяницы ни в чем не повинны, надо смириться со злом и отказаться от поиска средств для борьбы с ним. Мол, против своих природных свойств человек пока бессилен. К подобному рассуждению побуждает не только видимая легкость объяснения таким путем природы алкоголизма, но и некоторые внешние факторы. Например, во всех статистических справочниках данные о производстве и реализации спиртных напитков приводятся в разделах пищевых продуктов. В семейных бюджетах расходы на алкогольные напитки также соседствуют с расходами на хлеб, молоко и тому подобное. Все потребности общепринято классифицировать как материальные, духовные, социальные. По понятным причинам никто не относит влечение к алкоголю к последним двум группам, а включает в первую. Тем самым алкогольные напитки волей-неволей объявляются ничуть не менее необходимыми для человека, чем хлеб, овощи, молоко, сахар[1]. Появляется еще больше соблазна рассечь гордиев узел алкоголизма одним ударом — ссылкой на то, что такова потребность человека.

Как же быть: признавать или отрицать влечение к алкоголю в качестве потребности? Массовый характер потребления спиртных напитков, распространенность этого обычая во всех странах и у всех народов,

[1] Некоторые авторы не только ставят потребность в спиртных напитках в один ряд с потребностью в одежде, обуви, пище и других предметах первой необходимости, но провозглашают ее наиболее эластичной, то есть растущей с увеличением доходов быстрее других потребностей. (См. Ю. О. *Маркузон.* Бюджеты населения в капиталистических странах в 1918—1932 гг. М., Госстатиздат, 1962, стр. 38).

частота потребления, увеличивающийся объем производства алкогольных напитков дают повод считать это явление одной из потребностей человека. Как бы ее ни оценивать, какие бы отрицательные последствия для личности и общества ни имело ее удовлетворение, все равно она объективно существует, является реальностью жизни, входит составной частью в общую систему человеческих потребностей. Обратимся к авторитетному высказыванию Маркса. Он писал в «Капитале», что не имеет значения, является ли табак необходимым предметом с точки зрения физиологии, достаточно того, что он привычный продукт потребления. Это в равной степени можно отнести к алкогольным напиткам, которые стали не менее привычным продуктом, чем табак.

Однако, признавая существование такой потребности, необходимо отказаться от установившейся вредной традиции считать влечение к спиртным напиткам естественной потребностью. Значительно логичнее и правильнее исключить потребность в спиртных напитках из их числа и выделить ее в особую самостоятельную группу. К этому побуждают очень веские обстоятельства.

Влечение к спиртным напиткам неправомерно отождествлять с естественными потребностями человека, ставить их в один ряд с нормальными обычными потребностями в пище или в одежде, так как желание потреблять алкоголь является противоестественным для природы человека, это потребность ложная, мнимая. Свойства алкоголя сейчас досконально изучены, и научно доказано, что он ни при каких условиях и ни в каких дозах не способен принести человеку пользу. Алкоголь не может быть отнесен к обычным пищевым продуктам. Прислушаемся к тому, что на сей счет говорил Маркс: «водка, если ее употреблять в качестве пищевого продукта, является, по общему признанию, отравой». Ясно, что тяга к «отраве» вовсе не обусловлена какой-либо, хотя бы минимальной, физиологической потребностью организма, человек с успехом может обойтись без таких продуктов. Больше того, алкоголь, введенный в организм, действует, как яд, как наркотическое средство, особенно сильно воздействующее на нервную систему. Следовательно, алкоголь противопоказан человеку: подтачивает его здоровье, опустошает духовно, обесценивает свободное время, снижает производительность труда. И чем выше крепость спиртного напитка, больше содержание в нем алкоголя, тем больший вред причиняет себе человек. К тому же частое потребление спиртных напитков, как любого другого наркотика, переходит незаметно в привычку и при последующих приемах неумолимо влечет за собой увеличение доз.

Человек слабовольный, распущенный, легко поддающийся дурному влиянию, сам вырабатывает в себе привычку выпивать. Но и в этом случае такое влечение не становится безусловной естественной потребностью. Трезвая оценка своего поведения, большая сила воли, лечение, благотворное воздействие окружающих, а главное — разум человека, взятые вместе, способны исцелить от пьянства, и никакой «потребности» и в помине не будет.

Самоочевидно отсутствие связи между интеллектом и алкоголем. Можно говорить о ней в одном лишь аспекте: алкоголь убивает интеллект.

Хочется еще раз со всей силой подчеркнуть, что склонность к алкоголю не является естественной, и человек, все человечество только бы осталось в выигрыше, когда сумело бы от нее избавиться. Все это заставляет отделить естественные потребности (в пище, в одежде, в книге и т. п.) от противоестественных потребностей (в спиртных напитках, табаке и т. п.) и выделить последние в особую группу мнимых, иррациональных потребностей.

Критерий классификации потребностей на естественные и мнимые прост: потребность, выражающая целесообразную, разумную необходимость для человека,— это естественная потребность; потребность, в которой проявляются неразумные, паталогические желания, удовлетворение которых только во вред человеку,— потребность мнимая.

Пьянству подвержено значительное количество людей, производство крепких спиртных напитков происходит в последнее время во все увеличивающихся размерах, расширилось изготовление самогона, потребление спиртных напитков приобрело мас-

совый характер и является печальной реальностью нашего сегодняшнего быта. Именно угрожающие размеры потребления и значительный вред, им причиняемый, делают еще более очевидным мнимый характер данной потребности, усиливают опасность, которой она чревата для общества, и делают все более насущной борьбу со злом. Мнимый характер потребности в алкогольных напитках определяется мотивами, которыми она побуждается. Все они являются кажущимися, воображаемыми, а не подлинными и естественными. Не существует ни одной истинно разумной причины, которая порождала бы потребность в спиртных напитках. Нет абсолютно никакой необходимости и настоятельности в их потреблении.

Между двоякого рода потребностями есть устойчивая связь, которую рискнем назвать закономерностью: в тех случаях, когда слабо развиты естественные потребности, особенно духовные и социальные, существует плодоносная почва для появления и развития мнимых потребностей. Чаще всего духовный мир алкоголика поразительно убогий. Природа, как известно, не терпит пустоты, и в таких случаях духовный вакуум поразительно быстро заполняется водкой. Такова одна из главных причин пьянства.

Предвижу здесь возражение. Читателю могут прийти на память имена некоторых известных писателей, композиторов, художников. Да, среди великих людей были лица, питавшие болезненное пристрастие к спиртным напиткам. Но разве это неукоснительное правило жизни всех великих людей? Нет, исключение из общего правила! И нам известны эти имена не потому, что велико их число, а как раз потому, что таких имен совсем мало и принадлежали они незаурядным людям.

У нас нет экономических, нет социально-классовых причин пьянства. Но социализм не может сразу освободиться от некоторых отрицательных явлений, вредных обычаев и привычек капитализма. Среди них особенно распространенным является пьянство. В Отчетном докладе Центрального Комитета Коммунистической партии XXIV съезду КПСС пьянство прямо отнесено к наиболее опасным, глубоко укоренившимся, вредным пережиткам прошлого в сознании и поступках людей. Подобного рода пережитки оказываются чрезвычайно живучими, они могут сохраняться и даже способны развиваться вширь и вглубь и после уничтожения капитализма. Пьянство как раз относится к тем развращающим традициям, обычаям, ритуалам эксплуататорского общества, которые обладают способностью весьма длительного, относительно самостоятельного существования в «отрыве» от социальных корней и даже после их устранения. К тому же надо чистосердечно признать, что мы мало, слишком мало и недостаточно активно, настойчиво боролись за искоренение унаследованных питейных традиций и обычаев. Была в лучшем случае глухая оборона, но не было наступательных действий. А ведь мы и нынче находимся с капитализмом на одной планете и не отгорожены от него глухим неприступным частоколом. Зловредные идеи буржуазной идеологии и пропаганды по различным каналам проникают в нашу страну и иногда поражают наиболее неустойчивых в моральном отношении людей. И в поиске причин сохранения у нас пьянства, и в изыскании средств для его преодоления нельзя сбрасывать со счета это тлетворное влияние капитализма (пьянство в свою очередь способствует проникновению в нашу среду буржуазной морали и нравов). Разумеется, не следует все объяснения причин пьянства и прочих антиобщественных проявлений, которые еще дают о себе знать в нашем обществе, сводить к одному лишь воздействию капитализма. Поступив таким образом, мы крайне затруднили бы все наши усилия по преодолению нежелательных пережитков прошлого, ибо такова одна из очень важных, но все же не единственная причина пьянства.

Давным-давно поставлен вопрос о влиянии уровня жизни на пьянство. Выше уже отмечалось существование разных мнений по этому поводу. Одни считают низкий уровень жизни главной причиной пьянства. Другие, напротив, утверждают, что повышение благосостояния стимулирует рост пьянства. И в том и в другом случае недостатка в примерах и иллюстрациях никто не испытывает. Мне представляется, что прямой зависимости между благосостояни-

ем трудящихся и пьянством не существует. Даже в тех случаях, когда в группах с более высоким душевым доходом наблюдается абсолютный рост расходов на алкогольные напитки, это чаще всего совмещается с относительным уменьшением доли алкогольных расходов в семейном бюджете. Надо еще иметь в виду, что абсолютный рост расходов на спиртные напитки не во всех случаях означает увеличение потребления алкоголя, ибо может являться результатом перехода к более дорогим напиткам, посещения ресторанов и т. п. Поэтому рассуждения о якобы неминуемом росте пьянства в связи с повышением уровня жизни населения лишены каких-либо оснований. Напротив, с ростом доходов семьи (и осуществлением некоторых других мер) самые худшие и вредные формы пьянства идут на убыль.

Бесспорной причиной злоупотреблений спиртным надо признать недостаточно высокий культурный уровень у некоторых людей, бедность и ограниченность их духовных запросов, неумение рационально использовать свободное время. Чем другим можно объяснить, что почти 30 процентов опрошенных пьянствуют «просто так, от нечего делать» и еще 20 процентов считают, что «после доброй выпивки становится веселее жить». Именно у тех, кто не умеет разумно заполнить свой досуг, у кого не привит вкус к подлинно интересным занятиям, кого свободное время тяготит, вместо того чтобы доставлять удовольствие, главным источником веселья и радостей становятся алкогольные напитки.

Наряду с неумением и нежеланием нормально проводить свободное время есть и объективные причины. Несмотря на постоянное обновление и расширение материальной базы досуга, то, чем мы располагаем в настоящее время, еще недостаточно для создания всех условий наиболее целесообразного использования свободного времени. Во многих городах и селах отсутствует должная забота о рациональном здоровом отдыхе трудящихся. Не в этом ли одна из причин того, что не у алкоголиков, а у простых смертных, и у женщин и у мужчин, в структуре свободного времени прием и посещение гостей занимают 7—8 процентов, а кинотеатров — в 2 раза и театра, концертов, цирка — в 4 раза меньше. Можно себе представить, какими микроскопическими выглядят показатели культурного времяпрепровождения у пьяниц.

Прямая связь между потреблением алкоголя и производством, предложением спиртных напитков несомненна. Но весь вопрос в том, что считать причиной и что следствием. То ли расширение продажи спиртных напитков увеличивает пьянство, то ли усиление последнего рождает параллельный рост предложения. Обычно в этом направлении идут поиски ответа. А между тем здесь не только односторонняя связь: причина — следствие. Безусловно, увеличение производства и предложения водки и других напитков делает их более доступными и их потребление может возрастать. Но имеется и обратная связь: повышенный спрос ведет к увеличению предложения. Без роста потребления не было бы ни увеличения производства алкогольных напитков, ни новых питейных заведений. Известно, однако, не мало случаев из истории России, Швеции, Голландии и других государств, когда дву- и даже трехкратное уменьшение числа питейных заведений никак не сказывалось на спросе и потреблении спиртных напитков. Этот удивительный продукт отличается от обычных своим совершенно неповторимым поведением, которое часто не укладывается в рамки общепринятых экономических представлений. Это лишний раз подтверждает, что отдельные, разрозненные меры и усилия не способны покончить с пьянством. Только широкая система борьбы, комплекс разнообразных методов и форм, твердо и неуклонно проводимых в жизнь, могут дать хорошие результаты.

Одной из серьезных причин пьянства, как здесь уже отмечалось, следует признать обычаи, привычки, традиции. Думается, что, когда алкоголики пьют, они меньше всего вспоминают своих предков или заботятся о сохранении традиций. Просто это весьма удобная причина для выпивки, которая к тому же служит прекрасным оправданием и в собственных и в чужих глазах. Не трудно заметить, что в последнее время появляется все больше желающих следовать винным обычаям и традициям. Становится чуть ли

не обязательным любую дружескую встречу превращать в пирушку, а дни праздников — в дни пьянства. Вот что сообщили опрошенные в ответ на вопрос, всегда ли, принимая гостей, они угощают их спиртными напитками. Ответ «никогда» не прозвучал — такое ни у кого не заведено, «изредка» — так водится у одиночек, «всегда» — традиция, соблюдаемая абсолютным большинством. Остается уточнить, что на этот вопрос отвечали не клиенты вытрезвителя, а обычные граждане обоего пола. Они же на вопрос о том, что, по их мнению, лучше всего иметь для приема гостей, отдали предпочтение вину и водке перед наименованием доброго десятка иных яств, среди которых чай, кофе, фрукты, лимонад, сладости и т. п. Даже некоторые женщины полагают, что они выказывают тем больше признаков хорошего тона, чем больше звездочек на этикетке бутылки за их столом.

Совершенно бесспорной причиной неумеренного употребления алкоголя является превратное, глубоко ошибочное представление у изрядной части населения о свойствах спиртных напитков и физиологических последствиях пьянства. Среди опрошенных пьяниц только 5 процентов могло похвастать четким знанием свойств алкоголя и последствий его потребления, у такого же числа на сей счет имеются лишь смутные представления, подавляющее большинство пребывает в крайне опасном неведении о данном предмете.

Одна из важных причин пьянства заключается в неумении «пить». Пишу это без всякого намека на иронию и подразумеваю не пьяниц, от которых не приходится ждать хороших манер, а обычных граждан. Очень многие с такой необычайной поспешностью принимаются осушать содержимое бутылок, словно речь идет о безотлагательном, срочном деле, или как будто за ними, наступая на пятки, гонится кто-то ужасно страшный. К тому же часто придерживаются бог весть кем сформулированного правила — первые три стопки (рюмки) не закусывать! Учитывая крепость обычно потребляемых напитков, стоит ли удивляться неприятным последствиям соблюдения подобных суровых «правил» пьянства.

К причинам пьянства относится, видимо, и недостаточная эффективность антиалкогольной пропаганды. Воспользуюсь одним фактом, подтверждающим эту пессимистическую оценку. Число лекций против пьянства, прочитанных в городе, где проводилось обследование, на протяжении одного года только членами общества «Знание» чуть ли не равно количеству лиц, доставленных за год в вытрезвители. Легко смекнуть, что лекций было прочитано много. Но от того, что на долю каждого клиента вытрезвителя досталось почти по целой лекции, общее число пьяниц ни на йоту не уменьшилось. Отсюда может быть сделан только один вывод: лекции читаются не так, как надо, и не всегда для тех, кому надо.

Будет не лишним для полноты счета причин алкоголизма еще раз назвать едва ли не главную — нашу безграничную терпимость и олимпийское спокойствие. Воспитательная работа в отдельных коллективах ведется из рук вон плохо, а кое-где воспитанием людей, особенно молодых работников, себя и вовсе не утруждают. Во многих коллективах относятся к пьянству и пьяницам снисходительно, пренебрежительно, не утруждают. Во многих коллективах относятся к пьянству и пьяницам снисходительно, пренебречески. Вместо конкретных активных действий предпочитают ограничиваться одними призывами. Борьбу с пьянством на производстве и в быту ведут от случаю к случаю, кампанейски, далеко не все силы общественности мобилизованы и привлечены для участия в этой борьбе. Отмеченные недостатки и упущения никак не вяжутся с указанием XXIV съезда КПСС о том, что «борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил общества».

Важнейшей причиной пьянства являются некоторые недостатки в воспитании молодежи, в том числе школьников. Эта причина настолько серьезна, что заслуживает особого разговора.

ДЕВУШКИ, ЮНОШИ И ВИНО

Вряд ли найдется человек, который останется равнодушным, сторонним наблюдателем в откровенном, нелицеприятном разговоре на данную тему. Не-

сомненный интерес проявят не только матери и отцы нынешних мальчиков и девочек, озабоченные их судьбами, но и те, чьи дети, быть может, уже сами стали мамами и папами, ибо речь идет о проблеме большого общественного, а не частного значения.

Мало кому из читателей знаком термин «школьный алкоголизм». А ведь он довольно часто встречается в зарубежной литературе и был вхож в дореволюционные русские исследования. Либерально настроенные исследователи В. Канель, А. Коровин, С. Успенский с большой тревогой отмечали зарождение алкоголизма в юношеском возрасте. Главной тому причиной называли капиталистическую действительность, влиявшую особенно угнетающим образом на столь восприимчивых ко всему детей. Важным фактором «школьного алкоголизма» считали также порядки тогдашней школы с ее скверными санитарными условиями, оторванностью преподавания от жизни и мертвящей скукой, царившей на многих занятиях, суровыми мерами наказания, не исключавшими рукоприкладства, физической слабостью учеников и душевной пустотой и другими бедами, коим несть числа. В качестве еще одной важной причины выставляли дурную наследственность. Но привычка к пьянству не передается по наследству, она благоприобретается.

Ни одной из указанных причин, признаваемых главными, не существует и не может быть в социалистическом обществе и советской школе.

Все это, однако, не должно рождать благодушия, слепой веры, что все образуется само собой и наши дети прочно застрахованы от опасностей, таящихся в алкоголизме. Пусть каждый вспомнит или задаст вопрос своим детям, когда впервые они узнали вкус вина, пусть каждый спросит самого себя — в каком возрасте он впервые его вкусил? Убежден, что такое микросоциологическое самообследование даст в большинстве случаев крайне неутешительный ответ: знакомство со спиртными напитками состоялось в раннем возрасте. Высказанное убеждение основано не на догадках и предположениях, а на знакомстве с данными опроса нескольких тысяч школьников старших классов и студентов высших учебных заве-

дений. На вопрос, обращенный к девочкам и мальчикам, учащимся 7—10 классов средних школ: «Пробовал ли спиртные напитки?», получены следующие ответы (в процентах к числу опрошенных).

	7 класс		8 класс		9 класс		10 класс	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Да	65	30	75	40	80	60	95	90
Нет	35	70	25	60	20	40	5	10

А вот и ответы опрошенных студентов на вопрос о том, когда они впервые узнали вкус спиртных напитков (в процентах к числу опрошенных).

До 10 лет		10—12 лет		13—14 лет		15—16 лет		17—19 лет		20 лет и старше	
юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
12	4	7	4	17	10	35	38	27	42	1	1

Выходит, подавляющее большинство к своему совершеннолетию среди прочего постигло и вкус вина. Для сравнения укажу, что из опрошенных клиентов вытрезвителя почти одна треть пригубила вино впервые в возрасте 19—20 лет. Очевидно, более быстрое ныне созревание молодежи, подмеченное физиологами, дает себя знать и в этой области.

Среди напитков, с которыми несовершеннолетним довелось впервые познакомиться, фигурирует не только слабая домашнего приготовления наливка, но представлен весь букет спиртных напитков, от искристого шампанского до менее выразительных водки и пива, причем в пропорциях, говорящих отнюдь не в пользу наливки. Возможно, сказывались в первую очередь предпочтения близких, ведь говорить о спиртных вкусах 10—12-летних девочек и мальчиков непристойно.

Чем же можно объяснить, что в нашем обществе, где отсутствуют главные социально-классовые условия для алкоголизма, первое знакомство с вином происходит в школьном возрасте, а среди студентов (они не составляют исключения в этой области перед другими группами молодежи) почти никто не чурается винноводочных изделий? Быть может, эти факты опровергают все сказанное выше об отсутствии врожденной естественной потребности в спиртных напитках, и детям с молоком матери передается подобное влечение? Постановка такого вопроса тем более уместна, что водка не может привлечь детей вкусовыми качествами, впрочем, как и коньяк, пиво и большинство вин. Ведь каждый по собственному, не раз повторенному опыту знает, что эти напитки совсем не нектар.

Послушаем, прежде всего, что думают по этому поводу студенты: как они относятся к пьяницам, любят ли сами пить вино и т. д. Десятая часть воспринимает алкоголиков «терпимо» и «безразлично», равное число — с «недоумением» и «сожалением», некоторая часть — с юмором, большинство — с «презрением», «негодованием», «отвращением» и даже с «ненавистью». Итак, только меньшинство недоумевает, а большинство не жалует пьяниц. Ответ на другой вопрос показывает, что абсолютному большинству не только девушек, но и юношей потребление алкогольных напитков не доставляет удовольствия. Наконец, самым лучшим угощением для приема гостей большинство опрошенных считает сладости, фрукты, лимонад, чай, кофе. Лишь третья часть наряду с другими блюдами назвала спиртные напитки. От таких оценок и ответов учащейся молодежи можно возрадоваться. Все в полном порядке: в своем большинстве молодежь пьянство порицает и осуждает. Не будем, однако, делать поспешных выводов.

Осуждая пьянство, так сказать, отвлеченно, абстрактно, студенты выпивают совсем не редко и отнюдь не наперстками. Подобное расхождение между словами и делами не может все же послужить основанием для упрека опрошенных студентов в лицемерии, в неискренних ответах, в стремлении выставить себя в лучшем свете, чем они того заслуживают. У них легко уживается несовместимое по вполне объяснимой причине. Не существует у молодежи естественной потребности в спиртных напитках. Я был тысячу раз прав, отрицая возможность появления таких потребностей. Не выработалось у них еще и мнимой паталогической потребности. И молодые люди осуждают пьянство вполне искренне, ничуть не лицемеря, но это не мешает им самим потреблять спиртное. А что остается делать, если прочно укоренилась привычка выпивать,— «шагать не в ногу», доказывать миру свою самостоятельность и оригинальность? На это у большинства не хватает духа, и поступают они так, как и все вокруг. Вряд ли будет справедливо возлагать вину за это целиком на молодежь, снимая ее со старших поколений. Стихийно, быть может, лучше сказать, интуитивно молодые против алкоголя, ибо того не требует природа человека. Но этого мало, крайне мало. Следовало подкрепить эти ощущения соответствующими воспитательными мерами в детские и юношеские годы, тогда не расходились бы слова и дела. Молодые люди в нашем обществе, во всяком случае, большинство, не только осуждали бы пьянство, так сказать, платонически, но вообще не брали бы в рот спиртного. Надо прямо признать, что никто толком не воспитывал у молодежи неприязнь к вину, скорее наоборот, совершалось немало такого, что способно приучить к вину. Отсюда и описанный парадокс: вина не любим, но пьем его.

Каждому хорошо известно выражение «неблагополучная семья». В таком случае имеют в виду не материальное неблагополучие, а подразумевают какой-то изъян в поведении родителей, в первую голову — пьянство отца. Дети не выбирают себе родителей, и в семье, где процветает систематическое пьянство, им выпадает горчайшее детство, если вообще можно говорить о детстве в семье алкоголика. В таких семьях ни в чем не повинные дети дорогой ценой расплачиваются за грехи своих отцов. В эту цену входят не только изуродованные первые годы жизни ребят, но, быть может, что еще страшнее, исковерканные судьбы, когда по стопам отца идут его выросшие дети. Можно ли только их в этом ви-

нить? Нет, ни под каким видом! Семейная тяжелая обстановка оставляет такие следы, что не каждому юноше или девушке под силу стереть их, освободиться от их тягостного груза. Когда мы обращались к отцам-пьяницам, после того как их приводили в вытрезвителе в нормальное состояние, с вопросом: «Как вы поступите, если сын (дочь) запьют с молоду?» — то в ответ неслось грозное: «Не разрешу!», «Строго накажу!», «Выгоню из дому!»... Пустые это слова. Самое лучшее средство — отцам самим дать зарок раз и навсегда бросить пьянствовать. Некого и не за что было бы в таком случае изгонять из родительского дома. Совсем не легким бывает начальный отрезок жизненного пути и у детей из так называемых распавшихся семей, опять-таки по причине пьянства отца. По данным А. М. Неклюдова, работника МВД СССР, трое из четырех подростков, совершающих преступление, воспитываются именно в подобных семьях.

Подавляющее большинство семей являются благополучными. Но и здесь бывает неблагополучие из-за вина. В таких семьях ни отец, ни мать, как правило, не теряют чувства меры. Влияют совсем другие факторы, которые тесно между собой связаны. Дети и юноши наблюдают благодушное отношение к пьяным, никто не воспитывает в них отвращения к алкогольным напиткам, пагубных последствий злоупотребления этими напитками им не растолковывают. Окружающие их взрослые устраивают приемы, либо сами ходят в гости, где не обходится без спиртных напитков. А кому из молодых не хочется казаться взрослым, вести себя и поступать так, как делают старшие, «как принято», побыстрее стать «настоящим мужчиной», хотя подлинное мужское достоинство ничего общего не имеет с умением опрокинуть в рот рюмку-другую спиртного. Наверное, нельзя сбрасывать со счета и любопытство, которое те же взрослые могли бы своевременно удовлетворить куда более безболезненным способом. Сказывается также легкомыслие какой-то части молодежи, полное отсутствие хотя бы элементарных сведений о свойствах алкоголя. Ничем другим нельзя объяснить, что одна треть опрошенных студентов (девушки и юноши) не замечали, сказывается ли на их учебе потребление накануне спиртных напитков; свыше половины считают, что «учатся как обычно», некоторые даже глубоко верят, что после приема спиртного «учатся лучше» (5 процентов) и только десятая часть опрошенных признает, что это «отрицательно сказывается на учебе». Между тем опыты показали, что учащиеся, выпившие одну только кружку пива, выполняли учебные задания хуже не пивших, а ведь пиво не самый крепкий напиток из тех, которые пользуются вниманием студентов. Может быть, к выпивке побуждают трудные жизненные условия? Однако знакомство с данными опроса начисто опровергает это предположение: на трудное материальное положение как причину выпивок сослались 0,2 процента опрошенных юношей и 0,1 процента девушек, на неприятности в семье соответственно — 0,3 и 0,1 процента, на плохие жилищные условия — 0,7 и 0,1 процента. Таким образом, главная причина заключается не в легкомыслии, не в конформизме или любопытстве молодых, а в предательстве старших. Другого, более подходящего названия, чем предательство, трудно отыскать для явления, о котором сейчас пойдет речь.

Девушкам и юношам во время обследования был задан следующий вопрос: «Кто впервые предложил вам отведать спиртные напитки?» Опрошенные — а надо иметь в виду, что на учебу они съехались из самых различных районов страны,— ответили: родители и другие близкие родственники — 20 процентов, на вечере в школе — 20 процентов, взрослые знакомые — 12 процентов[1]. Итак, многие молодые люди своим первым посвящением в таинства алкогольных напитков обязаны собственным родителям, школе и хорошим знакомым из взрослых, то есть как раз тем, кто призван оберегать их от такой напасти. Очень хорошо, что на школьных вечерах теперь категорически запрещено спиртное. Что до любвеобильных

[1] Медицинские работники, задавая вопрос своим пациентам — хроническим алкоголикам, кто их приучил к питейным привычкам, почти безошибочно могут предсказать, что в большинстве ответов будут упомянуты отец либо еще кто-нибудь из родственников.

родителей, которые во время семейных и прочих праздников потчуют своих детей алкогольными напитками, то они совершают двойное преступление: во-первых, дают яд самым близким и любимым существам, во-вторых, толкают к привычке, от которой совсем не легко отучить. Специально для таких родителей сообщаю, что в алкоголиков превращаются преимущественно в возрасте от 13 до 25 лет, и чаще всего такая беда приключается с теми, кто познал вкус вина в раннем возрасте. Для вящей убедительности укажу, что об этом писал еще в 1908 году доктор А. М. Коровин и спустя 60 лет авторитетно подтвердил профессор В. Банщиков. Затронутый вопрос касается всех. Думаю, что единодушным будет мнение: пусть горит земля под ногами каждого подносящего рюмку к ребячьим губам!

ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ? — ДА! «СУХОЙ ЗАКОН»? — НЕТ!

Академик С. Г. Струмилин с присущим ему блеском публициста нарисовал заманчивую картину полнейшего искоренения из коммунистического быта всяческих спиртных напитков и пьянства. Наверное, он прав. И в коммунистическом обществе будут производить спирт, но только для технических надобностей, а ученые станут усердно, чуть ли не днем с огнем разыскивать алкоголика, чтобы продемонстрировать его в клиниках студентам, знающим лишь понаслышке о химерах и бедствиях алкоголизма. Но для того чтобы эта соблазнительная картина стала явью, а пьяница и впрямь превратился в редкостную диковинку, требуется настойчивая и длительная борьба, огромный и упорный труд общества по искоренению зла. Само собой это благо не придет.

Борьба с алкоголизмом ведется с незапамятных времен. Еще наши далекие, очень далекие предки, постигнув, что скрывается за первыми радостями опьянения, начали сражение с «чудесным» напитком. К каким только мерам в разные времена ни прибегали, каких только форм ни использовали в борьбе с алкоголем. В России по повелению Петра I вешали на грудь алкоголику пудовые тяжести. Во Франции

в XVI веке за появление впервые в общественном месте в нетрезвом виде сажали на хлеб и воду, при повторном — отправляли на каторгу. В Китае поступали еще радикальнее — пьяный подвергался смертной казни. В более поздние времена вводили сухой закон, практиковали Готенбургскую систему[1], испытывали Браттовскую систему[2], манипулировали емкостями посуды — от мини до макси тары, усиливали карательные меры, но все было тщетно: алкоголики, и в ус не дуя, продолжали пить. Именно при капитализме начисто была проиграна битва с алкоголем. Здесь по объективным причинам алкоголизм пышно расцвел, засверкал всеми своими гранями и оттенками. Вместе с другими пережитками он достался в удел социализму. Борьбу с этим пережитком капитализма вели не очень умело, далеко не всегда дружно, во всяком случае, без должного упорства, и он сохранился у нас и по сей день.

Можно ли, зная обо всех этих неудачах, рассчитывать на успех борьбы с этим злом в нашем обществе? Со всей уверенностью надо сказать: «Да». И не

---

[1] Эта система ограничения торговли водкой была введена в Швеции в середине XIX века. Правом продавать водку обладали акционерные общества, имеющие специальное разрешение общины. Они получали 5—6 процентов прибыли от продажи водки, весь остальной доход поступал в казну, то есть торговец не был заинтересован в продаже спиртных напитков. Продавать водку разрешалось только в хорошо оборудованных питейных заведениях и при наличии широкого выбора различных блюд (если покупатель пил, не закусывая, больше 50 граммов водки ему не отпускали). От продажи последних, в отличие от водки, торговец получал всю прибыль сполна. То есть было выгодно продать побольше еды, а не водки. Не продавалось спиртное детям и пьяным, в долг. Надежд, которые возлагали на эту систему, она не оправдала, так как общины, получая большой доход, не были заинтересованы в сокращении торговли водкой.

[2] Браттовская система была испытана первоначально в 1914 году в Швеции, затем использовалась в Финляндии. Она не затрагивала продажу спиртного в ресторанах, зато нормировала продажу водки в магазинах. Право на получение винной книжки имели лица, достигшие 21 года и непременно работающие. На семью выдавалась одна такая карточка, купить по ней нормированное количество вина можно было только в определенном магазине. Алкоголики нашли много способов обходить эту систему; она тоже не увенчалась успехом.

потому, что всем нам этого очень хочется, одного желания, увы, еще недостаточно, а потому, что в социалистическом обществе не существует ни единой причины алкоголизма, которая не могла бы быть устранена.

Алкоголизм выступает в самых разнообразных обличиях, следовательно, в борьбе с ним необходимо использовать различные методы, формы и средства. Их характеристике предпошлю несколько общих замечаний.

Ни один из методов борьбы, даже очень эффективный, не станет панацеей от зла, ибо он принесет лишь частный результат. Только хорошо разработанная система борьбы, включающая целый комплекс методов и форм — профилактических и карательных, воспитательных и запретительных, экономических и медицинских, ограничительных и других, может увенчаться прочным успехом.

Понадобится не день, не месяц и даже не один год, чтобы одолеть пьянство. Борьба с ним не эпизод, не кратковременная кампания, а весьма длительный процесс.

Преодолеть алкоголизм нельзя разрозненными усилиями, для достижения этой цели требуются совместные действия государственных органов, общественных организаций и подавляющей части населения.

Желательно тщательно изучить и использовать предшествующий опыт борьбы с алкоголизмом в нашей стране, а также в странах народной демократии, не следует игнорировать опыт капиталистических стран.

Даже в случае эпидемии опытный лекарь не прописывает всем одно и то же снадобье в равных дозах и не назначает одинаковых процедур. Он строго учитывает особенности пациентов и каждому назначает соответствующий курс лечения. Точно такого же метода нужно придерживаться в искоренении алкоголизма: ему подвержены самые различные группы людей, и для каждой должны применяться соответствующие исцеляющие средства, дозировки и процедуры, другими словами, каждой группе показан особый курс социального лечения.

В системе мер борьбы с алкоголизмом первое место принадлежит предупредительным мерам. Глубоко заблуждаются те люди, которые считают, что вести борьбу следует только с истыми алкоголиками. Не менее важна профилактика, лучше предупреждать алкоголизм, нежели его искоренять. Отучить от дурных манер сложнее, чем воспитать хорошие. И слова «береги честь смолоду» — не просто красивая фраза, они имеют глубокий смысл.

Профилактическая работа с молодыми должна вестись на равных и в семье, и в обществе. Трудно сыскать нормальную семью, в которой родители не учат своих детей отличать добро от зла, не объясняют, что дозволено и что запретно, не прививают хороших манер поведения. Наравне с этим совершенно необходимо рассказывать детям о пагубных свойствах алкоголя, воспитывать у юношей и девушек чувство отвращения к пьянству, непримиримости к нему. Все, кто любит своих детей, найдут для этого и время, и умение. Не хотелось бы преподносить прописных истин на сей счет, скажу лишь одно: решающим, самым главным должен быть личный жизненный пример родителей. Но мамы и папы, увы, всякие бывают. И в тех случаях, когда не оберегают, а спаивают детей, равнодушие окружающих неуместно, надо привлекать виновников к строгой ответственности, вплоть до лишения родительских прав.

Особенно велика роль школы, общественных организаций, учреждений культуры. СНК РСФСР в 1926 году принял Постановление о введении в программу школ всех ступеней и типов преподавания основных сведений о вреде алкоголя. Постановления этого никто не отменял. Оно просто предано забвению. Не предлагая каких-либо замен в вузовских учебных планах, замечу: быть может, есть смысл министерствам просвещения и высшего образования подумать о введении в вузах преподавания начал трезвости. Организация серьезного научного противоалкогольного обучения принесет несомненную пользу. Не дожидаясь окончательного решения, можно незамедлительно включить в школьные курсы анатомии и физиологии раздел о вредном действии алкоголя на организм.

Не следует думать, что, открыв молодежи глаза на зло, таящееся в алкоголе, мы тотчас же выиграем сражение и алкоголики впредь не будут получать пополнений в свои ряды. Требуются и другие, не менее важные меры: искоренение дурных обычаев и традиций, улучшение досуга молодежи, строгое выполнение установленных запретов. Пусть школьные вечера будут яркими, веселыми, запоминающимися, но трезвыми. Наверное, напутственные речи выпускникам средней школы, произносимые на торжественном вечере, не потускнеют, если они не будут сдобрены спиртными напитками, скорее, они будут звучать более искренне и задушевно. Пусть радость бригадира и мастера, вызванная тем, что подросток — их ученик получил свою первую в жизни заработную плату, сопровождается дружеской беседой, поздравлениями, добрыми пожеланиями, наконец, уж коли так они этому событию рады,— чаепитием, но не более. Есть и некоторые другие традиции, которые было бы полезно модернизировать на безалкогольный лад.

Вопрос о досуге молодежи заслуживает особого разговора. Здесь ограничусь двумя замечаниями. Современная структура свободного времени молодежи не может быть признана вполне рациональной. Нетрудно сыскать девушек и юношей, которые не умеют разумно заполнить свое свободное время, и часто досуг тяготит их, вместо того чтобы доставлять удовольствие. Именно этим в значительной мере объясняется, что среди опрошенных студентов только единицы употребляют спиртные напитки «для преодоления робости» или «для аппетита», а «за компанию» и «просто так, от нечего делать» выпивают свыше половины опрошенных девушек и почти 60 процентов юношей. Даже почти одна треть опрошенных старшеклассников среди мотивов, побуждающих их иногда потреблять спиртные напитки, называет «за компанию». Как будто нет более интересных, разумных, полезных занятий и дружеские встречи непременно должны перерастать в пирушку. Молодежь сама сознает это и главным средством, способным помешать употреблению спиртных напитков, считает лучшее использование свободного

времени: надо больше заниматься спортом, активнее участвовать в общественной работе, в научных кружках, совершенствовать культурно-массовую работу и т. д. Разумеется, названные меры и средства защиты детей и молодежи являются составной частью общей борьбы общества с алкоголизмом.

Хорошие результаты может дать умело проводимая культурно-воспитательная и просветительная работа. Имеется масса средств идеологического, массово-политического воздействия, которые можно эффективно использовать для пропаганды здорового быта, воспитания нетерпимости и общественного презрения к пьяницам, искоренения привычек и обычаев выпивать. В арсенале этих средств: лекции и беседы, радио и телевидение, печать, учреждения культуры. Но использовать их надо не по раз и навсегда выработанному шаблону, которого неукоснительно будут придерживаться и в работе со старшеклассником, и с седовласым пенсионером, случайно оступившейся женщиной и горьким пьянчугой. В такой работе должно быть как можно меньше скучной дидактики, не дающих результата запугиваний ужасами алкоголизма, пресных призывов к воздержанию и как можно больше — выдумки, живого, интересного дела, разнообразных, убедительных доводов. Много хорошего могли бы сделать такие мощные массовые средства пропаганды и воспитания, как кино и телевидение, если бы они решились покончить со своим нейтралитетом в этом вопросе. Мы понимаем, что оба эти вида искусства стремятся быть поближе к жизни и поэтому на их экранах слишком уж часто гостят выпивающие герои.

Еще ни слова не написав, а только подумав о ресторане как учреждении, которое тоже может воспитывать, уже вижу ироническую недоверчивую улыбку иного читателя. К глубокому сожалению, до сего времени в представлении многих рестораны считаются не очень-то достойными учреждениями, воспринимаются прежде всего как питейные заведения, где могут твориться всяческие пьяные безобразия. Когда доводится человеку, не приемлющему рестораны, услышать жалобу, что рано они закрываются, у него появляется искреннее недоумение: «Неужто

вам не хватило времени до 11 вечера?» Как будто всех посетителей ресторана одолевает неуемное желание непременно напиться. А ведь большинство ходит в рестораны с другой целью. Иначе было бы непонятно, кто же записывается за два месяца вперед на посещение «Старой мельницы» — кафе в Литве. Наверное, не выпивохи, для тех два месяца — не тот срок, который они способны выдержать. А правда ли, что в ресторанах кое-кто ведет себя скверно? Бывает, иные безобразничают. Но их единицы. На каждую сотню выпивающих в ресторане и в кафе приходится неизмеримо меньше клиентов вытрезвителя, чем на сотню пьющих на улице или в подъезде. По различным нарушениям общепринятых норм поведения первые также не могут соревноваться со вторыми. Трудно рассчитывать на то, что уже завтра алкогольные напитки выйдут из обихода. Поэтому до того, как алкоголь будет изгнан из жизни общества, надо ратовать за то, чтобы потребление его не принимало уродливых форм. Определенную роль могут в этом сыграть рестораны и кафе. Особенно, если входить в них будут не боком, и официант перестанет считать, что непьющий или мало пьющий посетитель наносит ему материальный урон. Разумеется, путь к избавлению общества от пьянства проходит не через ресторанную дверь, но из двух зол выбирают меньшее, и надо прямо сказать, что водка из горлышка, закусываемая «мануфактурой», это бóльшее зло.

Антиалкогольная пропаганда со всеми ее воспитательно-просветительными мерами, при всем огромном ее значении все же сама по себе с пьянством не покончит, ибо она не в состоянии одолеть все его причины. Здесь чрезвычайно важно повышение культурного уровня населения, рост культурных потребностей и духовных запросов, совершенствование структуры досуга — все это необычайно сильные средства в борьбе за искоренение пьянства. Надо, чтобы одновременно происходило совершенствование и расширение материальной сферы досуга и сполна удовлетворялись бы духовные и социальные потребности людей. Даже алкоголики из всех мер повышения уровня жизни, способствующих

преодолению алкоголизма, отдали предпочтение совершенствованию сферы отдыха и развлечений.

Антиалкогольная пропаганда не может быть без руля и без ветрил, ею кто-то должен руководить и нести ответственность за ее состояние. До 1930 года в СССР существовал Всесоюзный Совет противоалкогольных обществ, издавался журнал «Трезвость и культура». Почему бы не возродить и то и другое? В настоящее время борьбой с алкоголизмом занимается милиция — когда нарушают закон или общественный порядок, медицина — когда требуется медицинское вмешательство, администрация — когда надо наказать или уволить, общество «Знание» — когда нужно прочесть лекцию. Но все они действуют автономно, единого центра или общества, координировавшего бы эти усилия, у нас нет. В качестве довода против создания всесоюзного общества напоминают, что общества трезвости в царской России и ныне действующие в капиталистических странах зла не пресекли. Довод, скажу прямо, легковесный, неубедительный. Разве карательные или запретительные меры увенчались бóльшим успехом? А ведь никто от них не отказывается. И уж совсем анекдотически звучит ссылка на то, что общества трезвости добивались у миллионов мужчин обетов воздержания, которые вскоре с необычайной легкостью нарушались. Как будто не менее торжественные клятвы — в вечной любви — всегда остаются священными и не предаются порой забвению! Но ведь никто не собирается отменять институт брака по причине нарушения этих клятв.

Недостаточная осведомленность общественности о деятельности обществ трезвости в России и за рубежом побуждает сказать об этом несколько слов. Два американских города — Бостон и Нью-Йорк стремятся утвердить свой приоритет в создании первого в мире общества трезвости. Трудно сейчас сказать, какой город был пионером в этом деле. Ясно одно: появились первые общества трезвости в начале 10-х годов XIX века в США. Несколько позже по их образу и подобию создали общества в Ирландии, Швеции, Англии и других западноевропейских странах. Первые такие общества в России возникли в се-

редине XIX века, по одним сведениям, в Полтавской губернии, по другим — в Орловской. Душой американских и европейских обществ трезвости стали женщины. На их вооружении были разнообразные методы и средства: многолюдные антиалкогольные митинги и процессии, угрозы и слезы, гимны и молитвы и даже применение грубой силы в виде разгрома питейных заведений и уничтожения бочек со спиртным. Менее агрессивными были русские общества трезвости. Они существовали на средства от членских взносов и пожертвований. Вступивший в общество давал зарок полного воздержания. Оступившихся подвергали денежному штрафу или вовсе изгоняли из членов общества. Деятельность русских обществ заключалась в распространении сведений о пьянстве, они открывали чайные и столовые, в которых посетителям взамен водки предлагались газеты, журналы; общества эти устраивали театральные представления, танцы и гуляния, издавали журналы и книги. Следили, чтобы не спаивали уже «приложившихся», не продавали вино детям, возбуждали ходатайство о закрытии отдельных питейных заведений. Одним словом, пытались отвадить от кабаков, то есть, выражаясь современным стилем, вели антиалкогольную пропаганду. Царское правительство обществам трезвости не симпатизировало и никакой поддержки не оказывало.

Многое из того, чем занимались общества трезвости, выглядит наивным и бесполезным. Зло искоренить они не сумели. Но кто знает, не было бы оно еще большим, не будь обществ трезвости?

Вернемся, однако, к нашим дням. Общество трезвости есть в Венгрии. Оно располагает собственными средствами для борьбы с пьянством и пропаганды здорового быта. По известным нам данным, оно работает весьма успешно. В Болгарии функционирует национальный комитет трезвости, дважды в месяц выходит газета «Трезвость».

Представляется вполне своевременным создать аналогичное общество в Советском Союзе. Оно могло бы иметь свои отделения или филиалы в республиках, краях и областях; на заводах, на стройках, в учреждениях, высших учебных заведениях были бы

свои ячейки или комитеты. Союзное общество отвечало бы за всю антиалкогольную работу в стране, издавало специальный журнал, имело в своем подчинении научно-исследовательский институт по борьбе с алкоголизмом и т. д. Здесь нет попытки представить стройную, законченную программу такого общества и его организационную структуру. Этот вопрос было бы полезно вынести на широкое обсуждение общественности. Одно кажется абсолютно бесспорным: общество трезвости должно быть создано. И во главе обществ трезвости поставить женщин, непременно женщин.

С времен глубокой древности известны алкогольные запреты и ограничения. Обычно они касаются правил производства и продажи алкогольных напитков. Едва ли найдется в мире государство, которое не брало на вооружение подобные меры. Большое значение имеет категорическое запрещение продажи спиртных напитков в местах массового отдыха и развлечений: в клубах, Дворцах культуры, театрах, на стадионах, в кинотеатрах, в парках и на бульварах, в районе расположения крупных торговых центров, вблизи учебных заведений, подле медицинских учреждений, в столовых и в некоторых кафе. Определенных результатов можно ожидать и от уменьшения продажи спиртного в праздничные и в выходные дни, от ограничения времени и сокращения мест торговли ими. Полезность перечисленных мер не подлежит сомнению, но они, ограничивая потребление спиртных напитков, не затрагивают причин его порождающих, не искореняют зло. В борьбе же с алкоголизмом главное — не отнять бутылку, а отучить от пьянства. К тому же алкоголики — народ достаточно изобретательный: они быстро приноравливаются к новым порядкам.

Хорошо известны попытки ограничить пьянство с помощью изменений в расфасовке спиртных напитков. Но ни уменьшение, ни увеличение емкостей посуды ощутимых результатов не давало. Недостаток минитары в том, что крепкие напитки становятся более доступными, да при желании количеством купленных бутылочек компенсируют их малый объем. Изъян вместительной посуды заключается в

переходе от пьянства с самим собой к сколачиванию компаний собутыльников. Здесь стоит прислушаться к голосу алкоголиков. Для них самая заманчивая — стограммовая посуда. Значит, ее и надо изъять, и выпускать водку только в литровой посуде, пусть покрутятся, на шестерых ведь не на троих, всё будет дополнительная трудность. В качестве исторического курьеза упомянем предложение комиссии по борьбе с пьянством при Государственной думе так закупоривать водочные бутылки, чтобы их содержимое не могли распивать на улице. Сходное предложение внесли в 1913 году обследованные рабочие Петербурга: выпускать посуду под водку с узким горлышком — пусть труднее будет пить из бутылки. Эти примеры говорят о том, что человеческая мысль напряженно работала не только в направлении поисков объема, но еще и подходящей конфигурации водочной тары.

В последнее время подавались голоса за смену этикеток. Рекомендации об устрашающей этикетке не новы. Еще до революции комиссия Государственной думы приняла в качестве образца этикетку, сочиненную депутатом М. Д. Челышевым. На ней были изображены череп и кости и на черном фоне надпись «Яд». Еще был предлинный текст о зловредных свойствах алкоголя. Рассказ об операции смены этикеток, возможно, пользовался бы успехом в подвыпившей компании, но сама такая операция успеха не сулит. Любителей спиртного не останавливают ни страшные рисунки, ни устрашающие надписи.

Быть может, стоило бы в виде эксперимента начать производство двадцати или тридцатиградусной водки. Ведь нигде не сказано и никем не доказано, что человеческому организму больше всего показана сорокаградусная. Кстати, в 1921 году выпуск водки крепостью свыше двадцати градусов был запрещен законом.

Неукоснительно должно соблюдаться запрещение продавать спиртные напитки детям. Не место юным и там, где подают спиртное,— в ресторанах, барах и т. п. Ни под каким видом не следует отпускать вино тем, кто уже крепко навеселе, и не только в магазине, но и в ресторанах.

Из всех запретительных мер, казалось бы, самой сильной является введение «сухого закона» — запрещения производства и торговли спиртными напитками. Если верить молве, такой закон был впервые испытан Магометом, наложившим вето на виноградное вино. Но магометане закон обошли, принявшись за водку. Такая же судьба постигла «сухой закон», установленный в 1720 году в Англии и спустя 200 лет в США. Реже вспоминают об аналогичной мере в России в 1914 году.

Я решительно против «сухого закона». Но для того чтобы избежать упрека в необъективном освещении истории этого вопроса, приведу доводы в пользу «сухого закона», воспользовавшись аргументами А. Мендельсона, его восторженного сторонника. Он характеризует запрещение продажи спиртных напитков, введенное в России после начала первой мировой войны, как наиболее эффективное средство борьбы с алкоголизмом, по следующим причинам: во-первых, во второй половине 1914 года в Петрограде было в 2 раза меньше арестовано людей в пьяном виде, чем в 1913 году (очень жаль, что он забыл сказать, во сколько раз уменьшилось мужское население Петрограда вследствие мобилизации); во-вторых, пьяницы стали пить реже, и за время вынужденных перерывов их организм и мозг приходили в себя; в-третьих, многие стали пить денатурат. Он действует быстро, оглушает. Человек мертвецки пьянеет, и пьянство на этот раз прекращается. Два последних довода комментировать не буду. Лучше сопровожу их несколькими статистическими выкладками. Во второй половине 1914 года отравившихся денатуратом и другими суррогатами были тысячи. В 1915 году число жертв удвоилось. Поднялась смертность от белой горячки, увеличилось число психических заболеваний на почве алкоголизма. В 1915 году в Петрограде было выпущено на рынок денатурированного спирта на 60 тысяч ведер больше, чем в 1914 году. Еще одна любопытная деталь: только за первое полугодие 1915 года в канцелярию градоначальника Петрограда поступило почти 20 тысяч протоколов о нарушении закона о трезвости (приготовление суррогатов водки, незаконная продажа

спиртных напитков и т. п.). Так где же, спрашивается, польза от «сухого закона»? Можно смело сказать, что царской России повезло с «сухим законом» не больше, чем другим странам.

Расстанемся с историей и обратимся к нашим алкоголикам. Твердой уверенности, что все они понимают смысл «сухого закона», не было. Но уже первое беглое знакомство с материалами опроса показало, что у них имеется вполне отчетливое представление об «этом предмете» — пьяницы с умиляющим единодушием подали голоса против «сухого закона». Явная заинтересованность в этом вопросе придает их мнению только право совещательного голоса, а никак не решающего. Другое дело — обычные граждане. У них нет такой заинтересованности, и их мнение более объективно. Но и в их среде оказалось 5 процентов сторонников «сухого закона». Это вполне логично. «Сухой закон» не может принести пользы. Требуется огромная организованность и высочайшая сознательность всего населения, чтобы «сухой закон» не превратился в «смешной закон». Но при наличии подобной организованности и сознательности отпала бы нужда в таком законе. «Сухой закон» не устраняет жажду у алкоголиков. Значит, спрос остается. Он неизбежно порождает предложение, правда подпольное. Следовательно, «сухой закон» усилил бы спекуляцию, подогрел бы преступность, ни на йоту не приблизив общество к ликвидации алкоголизма, ибо тайное пьянство еще хуже легального.

Значительное место алкогольным запретам и ограничениям уделяется в постановлении ЦК КПСС о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма и в решении Совета Министров СССР. Можно поручиться, что эти важные документы досконально изучены и любителями и противниками спиртного, хорошо памятны всем гражданам и нет нужды в их пересказе. Все же упомяну одно из наиболее внушительных, на мой взгляд, ограничений, сулящих хороший результат, а именно решение об уменьшении в 1972—1975 годах производства водки и крепких водочных изделий. Между сокращением водочного потребления и преодолением пьянства

самая непосредственная связь, ибо для пьяниц, хоть они этого обычно не сознают, страшнее водки напитка нет. И в то же время сказано «нет» «сухому закону», который Советская власть никогда не вводила и, убежден, никогда не введет.

Очень разумно и справедливо, что отныне дома отдыха, пансионаты, санатории будут использоваться только по своему прямому назначению, а те, кто, вопреки предписанию врачей, нарушит запреты и попытается превратить лечебно-оздоровительные места в места для обильного потребления спиртного, будут выдворяться.

Некоторые меры можно объединить в одну группу, назвав их экономическими. Этот термин надо здесь понимать в его узком смысле, подразумевая меры, влияющие на экономическое положение алкоголика, его бюджет, материальный уровень. Было бы желательно определить круг должностей, которые запрещается занимать пьющим (например, на транспорте, в государственном аппарате и т. п.). Будет справедливым отстранять их от должности и переводить на другую, ниже оплачиваемую работу, лишать каких-либо поощрений, например, предоставления путевок в санатории и дома отдыха, не давать отпуск в летнее время, переносить очередь на получение квартиры. Заслуживает внимания предложение не выдавать злостным пьяницам на руки их зарплату, а передавать ее членам семьи. Вполне своевременно отныне законодательно закрепляется правило, согласно которому преимущества и льготы в области социально-культурного и жилищно-бытового обслуживания предоставляются работникам, успешно и добросовестно выполняющим свои трудовые обязанности. По духу и смыслу этой статьи законов о труде ясно, что алкоголикам всех этих благ не видать как своих ушей.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 года, принятым в связи с постановлением ЦК КПСС о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, администрация предприятий, учреждений и организаций теперь наделяется правом лишать злостных пьяниц полностью или частично каких бы то ни было премий на производстве,

а также льготных путевок в дома отдыха и санатории, им может быть перенесена очередность и на получение жилплощади. Вполне логично, что эта же статья Указа предусматривает санкции в форме дисциплинарной ответственности, а в отдельных случаях даже уголовной, в отношении тех представителей администрации (бригадир, мастер, начальник участка, цеха и т. д.), которые мирволят своим подчиненным — любителям распивать спиртные напитки на производстве, а также не отстраняют от работы лиц, находящихся в состоянии опьянения. Нет сомнения в том, что эти меры помогут навести должный порядок на производстве.

Пьяницы, причиняя неисчислимый урон обществу, еще в довершение всего умудрялись злоупотреблять добротой общества и без каких бы то ни было затрат со своей стороны, целиком за счет государства подлечивать расшатанное в пьяном образе жизни здоровье. Пьяницы могли уверенно смотреть в будущее, у них не было и тени сомнений в том, что, когда они вдоволь накуражатся, передерутся, получат травмы, станут героями дорожных происшествий, схватят алкогольный психоз либо белую горячку, им будет подана карета скорой помощи и в медицинском учреждении их окружат вниманием и заботой, лечить будут по первому классу. А вслед за излечением можно вновь стать на прежнюю стезю и вновь предаваться пороку... до очередного курса бесплатного лечения. Отныне этой вопиющей несправедливости кладется конец, впредь пьяницы всех этих привилегий начисто лишаются: установлено Советом Министров СССР, что при заболеваниях, травмах и т. п., связанных с опьянением, больничные листы не выдаются и пособия по временной нетрудоспособности не выплачиваются. Отступление подобного рода от принципа всеобщности бесплатного лечения встречает одобрение всего населения, разумеется за исключением пьяниц, но это как раз то, что требуется.

Экономические санкции против пьяниц: лишать их премий, не давать тринадцатой зарплаты, не оплачивать больничные листы по временной нетрудоспособности из-за пьянства и т. п. вполне оправданны. Но как быть, если пьяница женат и у него есть дети? Больнее всего такая санкция ударит не по виновнику всех бед, а по его родным. Пьянство и забота о благе семьи — понятия малосовместимые. Если бы алкоголик заботился о благополучии семьи ему не было бы безразлично, каково ее материальное благосостояние, то он не перешагнул бы черту, отделяющую трезвость от пьянства, или нашел бы в себе силы, чтобы распроститься с пьянством. Поэтому надо все очень хорошо взвесить, чтобы, метя в алкоголика, не угодить ненароком в невиновных.

Эта сложная жизненная коллизия нашла отражение в новых законах, изданных в связи с постановлением ЦК КПСС о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма. Указ Верховного Совета РСФСР предусматривает, что пьяница, ставящий свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в своей дееспособности и над ним устанавливается попечительство. То есть он сможет совершать сделки по распоряжению имущества, получать зарплату или пенсию с согласия попечителя. Эта статья как раз ограждает экономические интересы семьи от пьяниц.

Тщательно должна быть продумана такая мера, как увольнение пьяниц с работы. Она вполне справедлива. Когда общество терпит различные их «художества», отрицательно сказывающиеся на работе трудового коллектива, оно допускает ложный гуманизм. Подлинная гуманность будет восстановлена, если коллектив избавят от дезорганизатора производства. Увольнение с работы должно быть обставлено таким образом, чтобы оно не оставляло лазеек уволенному пьянице, перейдя дорогу, устроиться на такой же должности и с таким же окладом. Запись в трудовой книжке или что-либо подобное должны помешать этому. Между тем во многих городах бюро найма и трудоустройства в настоящее время слабо используют свои функции: отдельные предприятия и учреждения принимают на работу уволенных в другом месте, даже не спрашивая трудовой книжки. Это как раз в интересах пьяниц, и не в том ли одна из наиболее серьезных причин огромной текучести рабочей силы. Во всяком случае, 75

процентов из числа опрошенных нами пьяниц через каждые два-три года кочуют с одного на другое место работы. Для того чтобы покончить с такой негодной практикой, необходимо при увольнении с работы за пьянство делать в трудовой книжке соответствующую запись, а при найме на работу принимать эту запись во внимание. Надо брать пример с Ленинграда, где установлен жесткий контроль за перемещениями пьяниц-кочевников. Последних принимают на работу только по согласованию с Управлением по использованию трудовых ресурсов. Хорошо бы подобный порядок завести и в других городах.

Увольнение с работы — не освобождение от работы. Заповедь о всеобщности труда не может иметь исключений для алкоголика. Для уволенного следовало бы установить твердый срок, в течение которого он должен приступить к новой работе. Это будет в его же собственных интересах и в интересах его семьи. Не являясь членом какого-либо коллектива, сам он в трезвенники не запишется и к тому же станет добывать деньги всякими неправыми способами. Мне представляется, что правильным было бы уволенному пьянице в административном порядке определить новое место работы на какой-то срок до исправления, а зарплату в течение этого времени передавать его семье.

Все эти экономические меры, впрочем как и все остальные, используются при социализме не только в интересах предприятия, не только для защиты общества от алкоголиков, но в равной степени в интересах самого индивида, пораженного этим недугом, и его избавления от порочной наклонности. Если лечебные средства и методы борьбы с алкоголизмом имеют при социализме и капитализме нечто общее, то социальные методы лечения в том и в другом случае обладают серьезными отличиями как в самой постановке проблемы, так и в методах и формах ее разрешения. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на совсем недавно изданную в США работу по данной проблеме «Борьба промышленных объединений США с алкоголизмом. Доклад специальной комиссии».

Все авторы, представленные в этой книге, рас-

матривают борьбу с алкоголизмом в США исключительно сквозь призму потерь и выгод, которые она сулит бизнесу. Личность человека в этой схеме оказывается оттесненной на задний план. Такой чисто утилитарный подход, измеряемый долларами, там, где речь идет о судьбах людей, вряд ли может быть признан главным мерилом общественной необходимости и целесообразности.

Между тем лейтмотивом всего доклада является ставление: если работник данного предприятия (фирмы) пьянствует, это его частное дело, вмешательство дозволено только в одном случае — когда его поведение отражается на качестве работы. Приведем некоторые высказывания на сей счет. Цель проведения в жизнь программы по борьбе с алкоголизмом «имеет чисто деловую направленность»[1]. Чрезмерное потребление работником спиртных напитков привлекает внимание фирмы только в том случае, «когда он начинает прогуливать, пренебрегать техникой безопасности, снижает качество работы...»[2]. Лицо, выполняющее свою работу в соответствии с требованиями и никоим образом не мешающее производству продукции, не должно вовлекаться в программу «перевоспитания»[3]. «Фирма начинает беспокоиться лишь тогда, когда пьянство приобретает угрожающие формы»[4]. Более того, фирмы внушают мастерам: «От вас совершенно не требуется искоренять пьяниц; если работа его остается на требуемом уровне, вы вообще остаетесь в стороне, даже зная, что он очень часто «прикладывается»»[5].

Подобный подход представляется мне антигуманным. Создается тягостное впечатление, что промышленные компании США ведут борьбу с алкоголизмом отнюдь не во имя человека, не для избавления его от тяжкого недуга, не с целью возвращения в лоно

---

[1] «Борьба промышленных объединений США с алкоголизмом. Доклад специальной комиссии». Нью-Йорк, 1969, стр. 6.

[2] Там же, стр. 103.

[3] Там же, стр. 113.

[4] Там же, стр. 46.

[5] Там же, стр. 24.

семьи, а прежде всего в интересах бизнеса, для сохранения и приумножения своих доходов. Невольно возникает мысль, что, если бы пьянство не представляло угрозы бизнесу, промышленные компании и палец о палец не ударили и ни цента не дали на борьбу со злом. Разумеется, алкоголики — прогульщики или бракоделы заслуживают осуждения и наказания. И все же на первом плане должен быть человек, как таковой. Не вмешаться, не остановить человека, совершающего преступление против собственной личности, семьи, детей, только потому, что он не стал выпускать бракованную продукцию,— тоже преступление, но совершаемое уже капиталистическим обществом против своих граждан. Если думать о самом человеке, которого постепенно засасывает трясина пьянства, а не только видеть в нем золотую жилу, из которой добывают доллары, то долг общества вмешаться, своевременно протянуть ему руку помощи. Поступать так — не значит посягать на свободу личности, но значит выполнять долг общества перед своими гражданами.

После этого небольшого отступления вернемся вновь все к той же группе методов борьбы с алкоголизмом. В арсенале экономических мер важное место принадлежит ценам.

Цена в отношении спиртных напитков, в отличие от других товаров, не может служить денежным выражением их трудовой стоимости. Если бы подобная эквивалентность была установлена хотя бы на короткий срок, это привело бы к таким неописуемым последствиям, которые бессильно себе представить самое богатое человеческое воображение. Цены алкогольных напитков должны быть не ориентиром стоимости, а барьером на пути к алкоголю, и чем выше поднимается спрос на спиртные напитки, тем еще выше необходимо поднимать этот барьер. Если цены алкогольных напитков, особенно водки, долгое время остаются на одном и том же уровне, то неизбежно возрастает потребление. Поэтому в интересах борьбы с пьянством общество вынуждено периодически прибегать к повышению цен. Некоторые авторы ссылаются на то, что с ростом цен на водку она вовсе не становится редким продуктом и на столе

любителей выпить появляется с неменьшим постоянством. То есть спрос на алкогольные напитки не реагирует на цены. Все верно. Но этот факт, который я не собираюсь оспаривать, как раз и заставляет идти на повышение цен, если общество не на словах, а на деле намерено сдерживать потребление спиртных напитков и вести борьбу с пьянством. Весь накопленный в мире исторический опыт борьбы с алкоголизмом подтверждает необходимость такой политики цен.

Ведя наступление на водку, обычно более терпимо относятся к винам и пиву. Правильно ли это? Можно ли рассчитывать, что большие любители выпить, пользуясь напитками умеренной крепости, сами проявят умеренность и не перейдут со стограммовых доз водки на фужерные дозы виноградного вина, добиваясь в конечном счете того же самого результата? Такую возможность начисто исключать не следует. Все же это опасение касается ярко выраженного алкоголика, а думать надо не только о вполне сформировавшемся пьянице, которому все равно, что пить, но и о том, чтобы не пополнялись ряды пьяниц. С этой точки зрения вытеснение водки более слабыми напитками можно считать хорошим средством борьбы. В виноградных винах заключена неизмеримо меньшая опасность, нежели в крепких спиртных напитках. Поэтому надо всячески приветствовать решение Совета Министров СССР осуществить в ближайшие годы наряду с сокращением производства водки и крепких водочных изделий увеличение выпуска виноградного вина и пива.

Между учеными идет теоретический спор: алкоголизм — болезнь или распущенность, порок или преступление? Наверное, и то и другое. Это болезнь в результате распущенности, быть может, тот единственный случай в медицинской практике, когда человек сам обрекает себя на болезнь, совершает надругательство над собственной личностью. В одних случаях пьяница сам, добровольно начинает лечиться. В других — общество прибегает к медицинским мерам как оградительному средству.

У нас есть не один, а даже несколько законов, предусматривающих принудительное лечение алко-

голиков. Есть на сей счет соответствующая статья и в законе о здравоохранении, принятом в декабре 1969 года. Но из обследованных нами пьяниц лечатся всего 7—8 процентов, еще 10 процентов согласны лечиться, а основная масса не выказывает желания позаботиться о собственном здоровье. Очевидно, дело за тем, чтобы общество не дожидалось добровольного волеизъявления алкоголиков и решительнее прибегало к этой, освященной законом, важной форме защиты от пьяниц.

Обращает на себя внимание то, что в Указе Верховного Совета РСФСР о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма речь идет не просто о принудительном лечении злостных пьяниц, но также о сочетании чисто медицинских средств с трудовой терапией. Трудовое перевоспитание помимо своего прямого назначения еще позволит постояльцам профилакториев самим себя кормить и содержать, а не взваливать это дополнительное бремя на государство.

Не берусь судить о методах лечения пьяниц. Это забота специалистов. А вот об эффективности лечения хочется сообщить тревожный факт, установленный в ходе обследования. Из числа опрошенных, проходивших курс лечения, только 3 процента окончательно бросили пить. А 97 процентов вновь принялись за старое, причем половине из них выдержка изменила уже в первые шесть месяцев после завершения лечения. Какие напитки и в каких дозах они пьют после «излечения» — установлено в стенах вытрезвителя. Речь идет о локальном факте, но и он вызывает озабоченность.

Манеры и повадки современного алкоголика, его упорное нежелание расстаться с ними не позволяют ограничиваться одними воспитательными средствами и заставляют общество прибегнуть к карательным мерам. Изданы законы, не сулящие ничего хорошего мастерам самогоноварения; можно оштрафовать, а в некоторых республиках посадить на пару недель в тюрьму за появление в нетрезвом виде в общественном месте; карающий меч Немезиды занесен над работниками прилавка и общественного питания при нарушении ими различных правил и т. д.

Хуже дело с применением законов. Законодатели здают законы твердой рукой, исполнители применяют их рукой дрожащей. Потому-то в последнее ремя звучат справедливые требования не забывать карательных мерах. «Не скрою,— говорил Л. И. Брежнев,— что к нам приходят письма, в которых рабочие, колхозники, инженеры предлагают усилить борьбу с дезорганизаторами производства, с прогульщиками, пьяницами, бракоделами. Это совершенно правильные требования. Нельзя быть снисходительными к людям, по вине которых нашему обществу наносится серьезный ущерб, срывается выполнение планов предприятий и цехов, а добросовестные работники теряют в заработке».

Новый закон о мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом, унифицируя ранее изданные законы и постановления, содержит важные статьи, которых прежде не было. Пожалуй, сейчас не осталось ни одной лазейки для злостных пьяниц и тех, кто им потворствует и способствует развитию пьянства. Новый закон о борьбе с пьянством и алкоголизмом отражает пожелания подавляющей части населения. Сейчас дело за его твердым и неукоснительным применением. Надо дать понять всем пьяницам, алкоголикам и иже с ними, что не только приняты против них строгие законы, но последние будут самым строгим образом использоваться и не поздоровится тем, кто будет изобличен в столь тяжком антиобщественном поведении, как пьянство и алкоголизм.

В необходимости и своевременности намеченных мер против пьянства нет и не может быть никаких сомнений. Это настолько всем непредубежденным людям (то есть не пьяницам, не алкоголикам) ясно, что не требует абсолютно никаких подтверждений. Хочется сказать о другом, привести данные опроса, проведенного в 1970—1971 годах среди обычных граждан для получения информации о том, какие меры по их мнению следует принять для борьбы с пьяницами, алкоголиками и теми лицами, которые потворствуют общественному злу. Сопоставление этих данных и намеченных в настоящее время мер представляет несомненный интерес.

Необходимые меры для уменьшения потребления спиртных напитков и борьбы с пьянством и алкоголизмом
(в процентах к числу опрошенных)

	Мужчины	Женщины
Ввести сухой закон	5,1	13,3
Увеличить продажу *виноградных вин* и пива	48,1	26,5
Ограничить место и время продажи водки	14,6	20,4
Не продавать водку в кафе, буфетах, столовых	25,7	22,9
Ввести принудительное лечение алкоголиков	29,1	40,5
Усилить законодательную *меру ответственности* за пьянство	29,2	38,3
Продавать водку в посуде емкостью не менее одного литра	2,5	2,0
Ввести в средней школе преподавание основных сведений о вреде алкоголя	22,3	23,6
Ввести в вузах курс научного антиалкоголизма	15,9	17,1
Усилить антиалкогольную пропаганду по радио, в печати	25,7	30,6
Больше читать лекций о вреде алкоголя и последствиях алкоголизма	23,0	29,3
Снизить крепость выпускаемой водки до 20—30°	6,3	7,5
Не оплачивать больничные листы по временной нетрудоспособности из-за пьянства	40,7	53,7
Штрафовать за появление в нетрезвом виде в общественных местах	49,2	58,3
Понижать пьяниц в должности	42,6	52,5
Лишать родительских прав за спаивание детей	48,2	59,3
Обсуждать случаи пьянства в производственных коллективах	33,7	44,5
Ввести карточную систему продажи водки	1,5	1,3

Приведенные данные выборочного опроса убедительно говорят о том, что намеченные в настоящее время меры по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма очень точно отражают умонастроения и мнения населения по поводу мер борьбы с антиобщественными проявлениями в нашем обществе. Я в этом вижу очень важный залог успешного осуществления планов борьбы с пьянством. В связи с этим считаю необходимым высказать свое твердое убеждение (надеюсь, читатель его разделяет), что как бы ни были хороши законодательные акты и другие меры борьбы с пьянством, они не принесут желаемого успеха, если всем миром не будет дан бой пьянству. Покончить с терпимостью, отказаться от снисходительности к алкоголикам — значило бы взять на свое вооружение наиболее важное средство борьбы со злом.

А следует ли бороться с умеренным потреблением спиртных напитков? Ответ не столь уж прост. Между «умеренным» и «неумеренным» потреблением спиртных напитков трудно установить точную границу. Тем более, что те, кто потребляет спиртные напитки в *небольших дозах, но регулярно*, часто эту границу переступают и оказываются по ту ее сторону, где уже царствует настоящее пьянство. Самая большая трудность в том, что для сколько-нибудь обоснованных суждений о чувстве меры необходим критерий этой меры. Природой в самом организме такая мера не создана. Где же критерий? Обществу он неизвестен, хотя специалисты немало сил потратили для его отыскания. Попытка установить общепринятую безобидную дозу, на наш взгляд, смешна и неприлична. Организмы людей совершенно несходны. И то, что одному, как слону дробина, другого валит с ног. Здесь каждый сам себе судья, мерит на свой аршин и проявляет полнейшее равнодушие к каким-то «всеми признанным нормам и стандартам». Бесспорно одно: алкоголь — наркотик и даже скорее других наркотических средств может стать привычным для организма. Учитывая это обстоятельство, нельзя говорить о полной безвредности умеренного потребления и идеальным надо было бы признать искоренение всех видов потребления алкоголя. Однако трезвый взгляд на пьянство и перспективы борьбы с ним внушают мысль, что понадобится очень много усилий и пройдет немало времени, прежде чем алкоголь выйдет из употребления, станет музейным экспонатом.

А до той поры надо, чтобы каждый помнил о своем человеческом достоинстве и не ронял бы его ни при каких обстоятельствах.

СОДЕРЖАНИЕ

МНЕНИЕ НЕРАВНОДУШНЫХ

Заведующая редакцией *А. Т. Шаповалова*

Редактор *Ю. Н. Чернышева*

Младший редактор *Н. М. Жилина*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Сдано в набор 22 августа 1972 г. Подписано в печать 23 ноября 1972 г. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 9,24. Учетно-изд. л. 8,71. Тираж 100 тыс. экз. А00229. Заказ № 1713. Цена 25 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.